СТАЛКЕР
Дмитрий Силлов
ЧАЭС
ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА
ЗАКОН ДОЛГА

Дмитрий Олегович Силлов

Закон Долга

Серия «Апокалипсис-СТ»

Серия «Снайпер», книга 19

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18306386
Силлов, Дмитрий Олегович. Закон долга : [фантастический роман]:
АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094733-1

Аннотация

Снайпер сделал то, что должен был сделать, – спас тех, кто был ему дорог.

Но при этом он нарушил один из самых страшных законов Зоны – Закон Долга. А ведь каждому ясно, что Зона не прощает тех, кто нарушает ее законы…

К тому же Снайпер умудрился стать врагом одной из самых сильных группировок, действующих на аномальной территории. И вдобавок его преследует жуткая тварь, проникшая из мира Кремля в мир чернобыльской Зоны.

Но проблемы не кажутся неразрешимыми, когда рядом с тобой старые друзья: Виктор Савельев по прозвищу Японец и девушка-киборг, твердо решившая отыскать своего любимого.

Правда, все становится гораздо сложнее, когда твои товарищи становятся опасными врагами, когда из соседнего мира вот-вот прорвется в Зону то, что может полностью уничтожить человечество… и когда случается самое страшное – чтобы выполнить свой долг, ты вынужден убить лучшего друга.

Содержание

Хронология романов о Снайпере 6
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Дмитрий Силлов
Закон Долга

Старайся исполнить свой долг, и ты тотчас узнаешь, чего ты стоишь.
Л.Н. Толстой

Исполняй свой долг, не думая об исходе; исполняй свой долг, принесет ли это тебе счастье или несчастье.

Кто исполняет долг и спокойно, не радуясь и не печалясь, встречает любые последствия, тот поистине велик душою.
Древнеиндийская дхарма

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.О. Силлов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
S.T.A.L.K.E.R. Закон Снайпера
КРЕМЛЬ 2222. Юг
S.T.A.L.K.E.R. Закон Меченого
S.T.A.L.K.E.R. Закон наемника
КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Счастье для всех
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон Долга

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, и Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, за поддержку и продвижение проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над романами литературных проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Иона» Калинцева, Виталия «Винта» Лепестова, Вадима Панкова и Сергея Настобурко за помощь в развитии проекта «Снайпер»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

* * *

Их было шестеро.

Они стояли в конце короткого, полутемного коридора, перегораживая его живой стеной.

Живой ли?

Этого я не знал, так как в этих коридорах можно было встретить как живых людей с мертвыми, ничего не выражающими глазами, так и мертвецов, способных двигаться и убивать быстрее, чем делают это живые…

Итак, их было шестеро. А я – один. И единственным оружием, которое я до боли сжимал в своей руке, был нож с шероховатой обрезиненной рукоятью, кольцом для крепления к автомату и стальным хвостовиком на конце, которым в случае чего вполне реально проломить череп. Хотя я не был уверен, что это сможет впечатлить кого-то из тех шестерых. Ведь если это действительно мертвецы, то пробитый череп для них не помеха. Живого всегда проще убить, нежели мертвого.

Но пути назад у меня не было, и потому я прыгнул вперед. А когда они начали стрелять, бросился им под ноги, кувырнулся и, сбив с ног одного из стрелков, покатился вместе с ним по каменному полу. Однако это не помешало мне рубануть ножом наугад… и попасть.

Правда, попасть не совсем удачно.

Прямо мне в лицо хлестанула вязкая кровь, сладковато воняющая мертвечиной. Такой крови не бывает у живых… Вот незадача! Похоже, я вспорол горло живому трупу и теперь ни черта не вижу!

Я оттолкнул от себя обмякшее тело и кувырнулся еще раз, предположительно в сторону оставшихся врагов. Исход боя был уже ясен. Когда их много, а ты один, и вдобавок твоё лицо залито вонючей кровищей, а меж ресницами натянулись вязкие багровые нити, надеяться не на что. Можно лишь попытаться подороже продать свою жизнь…

Но даже этого у меня не получилось.

Над моей головой загрохотали выстрелы, и я почувствовал, как мое тело разрывает на части раскаленный свинец.

Это было очень больно. А еще было обидно подыхать вот так, валяясь на холодном полу у ног автоматчиков, равнодушно расстреливающих тебя. Валяться, сотрясаясь от ударов пуль, – и понимать, что хоть ты еще и живой, но тебе никогда уже не дотянуться до сонных артерий своих врагов ни ножом, ни зубами, ни ногтями… Хорошо умирать, одновременно выгрызая жизнь из горла своего врага. Но далеко не всем напоследок выпадает такое счастье…

А потом одна из пуль ударила мне в лицо…

Сквозь багровую кровяную пленку, стянувшую мои веки, хлынул свет… и голос то ли ангела, то ли демона сварливо произнес:

– Хорош дрыхнуть, едрить тебя налево. Полдень на дворе,

а он всё харю давит.

Я с усилием разлепил веки, протер глаза.

Ну да, вряд ли того, кто стоял возле окна, можно было назвать ангелом. Разве только падшим. Но и для демона внешность существа была слишком уж экстравагантной. Однозначно мутант. Невысокий, ростом с десятилетнего ребенка, правда более коренастый. Абсолютно лысая голова, очертаниями смахивающая на обтянутый тонкой кожей череп мертвеца. Большой миндалевидный глаз точно посредине лба, сразу под нижним веком которого расположен тонкий, классический нос. И прямо под носом – такой же миндалевидный разрез безгубого рта, отличающийся от глаза лишь отсутствием глазного яблока.

Но это еще не все.

По обеим сторонам носа у того существа располагались еще два глаза, под нижними веками которых торчали небольшие гибкие щупальца с утолщениями на концах, напоминающие своими движениями змей, наполовину высунувшихся из своих норок.

– Очнулся? – поинтересовался мутант, отдергивая в сторону вторую плотную штору.

– Вроде да, – произнес я, разминая затекшую шею. – Сон приснился уж больно реальный.

– То-то я и думаю, – хмыкнул мут. – Ты шипел и выл, будто стаю квазимяса в бастурму кромсал. Даже вон стенку зарезал нахрен.

Я перевел взгляд на бревенчатую стену.

Надо же… В ней торчала «Бритва», мой боевой нож, всаженный в дерево на половину длины клинка. Хороший удар, который в обычном состоянии обычным ножом нанести слабореально. Хотя «Бритва» – это «Бритва». Нож, способный разрезать границы между мирами, может и не такое. Тем более что после известных событий к ней, похоже, вновь вернулись старые свойства. Вон клинок синевой отливает, будто внутри него бушует небесное пламя.

Я нахмурился и, выдернув нож из стены, сунул его в ножны. Плохо, когда ты во сне размахиваешь оружием. Так и самоубиться недолго или и того хуже, кого-нибудь из друзей зарезать. Фыфа например, который только-только в себя начал приходить после пережитого. Кстати, Фыф – это имя того урода возле окна, короткое и запоминающееся. Впрочем, это не совсем его имя, а лишь укороченная производная от настоящего. Ибо настоящее как раз запомнить слабореально.

– Ладно, хорош брови морщить, жрать пошли, – проворчал Фыф, хамло и грубиян по жизни. Но ему – можно. Потому, что он мой настоящий друг, которому я обязан жизнью. Впрочем, как и он мне. При таких взаимных обязательствах само собой возникает законное право обкладывать друг друга матом и посылать подальше, не рискуя при этом получить пулю в морду или, на крайняк, кулаком в челюсть.

Кстати, мы уже неделю кантовались с Фыфом в лесном сталкерском «пансионате», приходя в себя после неслабой

битвы с порождениями пресловутого Монумента. Друг-мутант из меня целую пригоршню пуль ментально выковырял, но и сам пострадал, отбивая атаку самого главного монстра, а потом залечивая мои раны. Все свои духовно-физические силы потратил, чуть сам ласты не завернул, но меня спас. Впрочем, кто интересуется подробностями, обо всем об этом может прочитать в моем романе «Закон клыка», который я недавно сбросил через КПК своему редактору. Тот обещал издать оперативно, ибо я неожиданно для себя, оказывается, обзавелся целой армией читателей. Правда, в какой из вселенных Розы Миров, так и не понял. Но это и неважно. Людям нравится, значит, и дальше буду отправлять свои записи редактору, которого я вряд ли когда увижу.

Сейчас же мы с Фыфом сидели за крепко сбитым столом, и за обе щеки уплетали консервы, разогретые в самой настоящей печи. Надо отметить, что сталкерский «пансионат» был не чем иным, как здоровенной избой, больше напоминающей деревянную крепость с узкими окнами-бойницами. Сюда нас определили наши друзья, Винт с Мрачным, напоследок перед уходом настоятельно посоветовав «ремонтировать организмы и отожраться как следует». Чем мы целую неделю, собственно, и занимались.

Фыф не столько ел, сколько пил. Причем беспробудно. В доме помимо кладовки с продуктами нашлась целая канистра медицинского спирта, содержимое которой мутант вдумчиво принялся уничтожать. Неделю не просыхал, про-

вонял все комнаты едким перегаром. И при этом утверждал, что у него во время запоя регенерация лучше идет. Впрочем, так оно и было. Я б, например, от такого количества алкоголя точно ласты завернул. А Фыф запросто выжирал литр девяностошестиградусного – и только матерел на глазах, становясь заметно крепче, словно не спиртягу хлестал как воду, а из стероидной качалки не вылезал. Естественно, при этом его изрядно пошатывало, что, впрочем, процессу его роста над собой ничуть не мешало.

– Ну что, вздрогнем? – предложил мутант, доставая откуда-то из-под стола мутную бутыль, в которую он каждый раз бережно переливал спирт из канистры, стараясь не пролить ни капли.

– Я пас, – качнул я головой.

К алкоголю я практически равнодушен, а в доме и так от Фыфова перегара хоть топор вешай. В связи с чем «вздрагивать» у меня сейчас не было никакого желания. Если так пойдет дальше, я спиртовой дух вообще на дух переносить не буду.

– Ну, тогда я с тренером, – пожал плечами Фыф. Налил себе полный стакан, чокнулся с бутылкой и вылил в себя прозрачную жидкость, как за себя закинул.

– Сопьешься нахрен, – мрачно заметил я, цепляя вилкой из банки кусок тушенки.

– Не дождешься, – осклабился заметно поздоровевший мутант, поигрывая небольшим, но плотным бицепсом. – Я

теперь, по ходу, не тот, что раньше. Силищу в себе чувствую нереальную, никогда такого не было. Могу хоть всю бутылку зараз выхлестать не закусывая. И повторить. Там еще полканистры осталось, так что есть на чём тренироваться.

– Герой, не поспоришь, – вздохнул я. – А не боишься, что твоя Настя пошлет тебя, синяка эдакого, куда подальше? Если помнишь, она этого не любит.

Фыф нахмурил все свои три надбровные дуги.

– До наших девчонок еще добраться надо, – глухо произнес он.

– Так, может, уже можно попробовать добраться? – поинтересовался я. – «Бритва» вроде снова в порядке. Мои раны затянулись, за что тебе отдельное спасибо. Ты вон как на спиртяге качнулся, прям супермен в миниатюре. Может, хватит тут задницы отсиживать?

Мутант вздохнул, машинально погладив трофейный перстень на указательном пальце. Он его снял с жуткого порождения Монумента, которого мы завалили совместными усилиями. Законная добыча с большим черным бриллиантом в центре, наверняка на Большой земле стоящая неслабо. Но и лысому ежу понятно, что Фыф вряд ли с перстнем расстанется. Не снимает его ни днем ни ночью и уже привычку приобрел поглаживать черный камень в минуты задумчивости.

– Боязно как-то, – наконец сказал он с жалобной ноткой в голосе. – А вдруг не получится?

– Если не пробовать, точно не получится, – сказал я, вдруг

прямо сейчас приняв решение. – Коль ты не забыл, это наш долг спасти девчонок.

– Ну да, – кивнул Фыф. – Закон Долга суров, но справедлив.

– Вот именно, – заметил я. – Если помнишь, это один из основных законов на зараженных землях. Не зря его с заглавной буквы пишут и произносят полушепотом, чтоб Зона невзначай не услышала.

– Впрочем, о каких это долгах мы? – встрепенулся Фыф. – При чем тут долги? Я ж Настю люблю, блин. Так что ты прав, пошли!

Он встал из-за стола, покачнулся, но равновесие сохранил. Н-да… Был бы это не Фыф, я б такого помощника послал далеко и надолго. Но именно в этом состоянии мутант и есть самое страшное оружие. Когда он ужратый в драбадан, сила ментального удара у него возрастает в разы. То есть в бою хорошо проспиртованный шам гораздо полезнее трезвого.

Собрался я быстро, благо всё, что надо, было мною собрано и упаковано заранее. Новую камуфлу из кладовки и разгрузку – на себя.

Рюкзак и винтовку СВД – за плечи.

Ручную пушку КС-23, карабин специальный калибра двадцать три миллиметра, с виду похожий на помповик с пистолетной рукоятью, – в руки.

ПСС, пистолет самозарядный специальный, компактный

и бесшумный, – за пазуху, в специально для него сшитую потайную брезентовую кобуру.

Ну, и, само собой, два моих боевых ножа, не раз выручавших меня в сложных ситуациях. «Сталкер» в ножнах – за высокое голенище берца. А «Бритву» – на пояс.

Вроде всё. Попрыгал, поводил руками туда-сюда. Вроде ничего не звенит, не жмет и не топорщится. Значит, можно выдвигаться.

Пока я снаряжался-упаковывался, Фыф тоже времени не терял, даром что поддатый. Он также за неделю всё продумал и, поковырявшись в кладовой, вышел из нее – ну прям одинокий рейнджер, только вариант уменьшенный и сильно жуткий на морду лица.

Никогда бы не подумал, что шам-алкоголик умеет шить, но подогнанная за неделю новая камуфла сидела на мутанте как влитая. На поясе – «Макаров» в кобуре справа, слева – нож «Антитеррор», далеко не самый легкий из боевых. Лучше б «Кобру» или «Гюрзу» зацепил, обширный арсенал сталкерского «пансионата» позволял вполне. Но нет, по ходу, почуял Фыф в себе силушку и вооружился соответственно. При этом сильно поздоровевший Фыф сменил свой малогабаритный «Кедр» на АКС74У.

– Не тяжеловато будет? – поинтересовался я, кивнув на автомат.

– Справлюсь, – буркнул мутант. – Сколько можно пистолетными пулями словно горохом отплевываться?

– Твое дело, – не стал спорить я. – Ну что, двинули?

Не хотелось мне открывать портал в мир Кремля прямо в помещении. Подозреваю, что после закрытия оного на деревянном полу могла остаться выжженная воронка, еще и дом загорится пожалуй. Поэтому мы с Фыфом предусмотрительно покинули гостеприимный «пансионат», плотно прикрыв за собой дверь и нажав при этом на потайную кнопку. Всё. Теперь тому, кто несанкционированно попытается проникнуть внутрь дома, не позавидуешь. Хитроумные сталкеры хорошо позаботились о том, чтобы нашпиговать свой «пансионат» достаточным количеством смертоносных внутренних ловушек.

Впрочем, и с внешней безопасностью деревянного строения, расположенного посреди густого леса, всё было в полном порядке.

Дом в радиусе пятидесяти метров окружало самое настоящее минное поле. Неровная земля с вроде бы хаотично разбросанными кочками, бугорками, ямками, меж которыми, если присмотреться, то тут, то там торчали едва заметные усики, проволочки, штырьки…

А для совсем недогадливых вокруг «пансионата» были понатыканы шесты с приколоченными к ним кусками жести, на которых красной нитрокраской было набито через трафарет одно-единственное слово: «Мины!» Для мутантов же, которые читать не умеют, на краю минного поля располагались другие шесты, на которых торчали полусгнившие голо-

вы ктулху. В общем, хорошее место для отдыха в Зоне, продуманное до мелочей. И вокруг – ни души, даже вездесущих ворон не слышно. Что, впрочем, понятно: ну его нафиг шататься вокруг дома, от которого настолько явно веет смертью.

Мы с Фыфом осторожно перешли минное поле по извилистой тропинке, которую нам перед уходом набросал Винт на листке бумаги. При этом шам, идущий замыкающим, тщательно заметал наши следы обычным веником, взятым из дома – это чтоб никакой урод не смог по ним отыскать путь к крыльцу «пансионата».

Наконец мы оказались в тени кривых, облезлых деревьев, изуродованных радиацией. Фыф бросил веник в кусты и поинтересовался:

– Ты точно уверен, что мы с тобой попадем в ту временную точку, откуда вышли?

– Не хотелось бы, – проговорил я, извлекая из ножен «Бритву» и мысленно сосредотачиваясь. – Если помнишь, тогда пятиглазый урод нам обоим чуть мозги не изжарил. Поэтому хорошо бы попасть туда чуть раньше нашего перехода, хотя бы минуты на две. И немного в другом месте…

Я закрыл глаза, очень четко представляя себе, куда хочу переместиться. При этом я думал о своем ноже не как об оружии, не как о предмете с рукоятью и остро заточенным клинком, отливающим лазурным светом. Я мысленно обращался с просьбой к своему давнему другу, которого недавно

ценой неимоверных усилий мне удалось излечить от тяжелой болезни. Этот старый боевой товарищ грел сейчас мою ладонь вполне живым теплом, и я был уверен, что он слышит мою просьбу. Иначе и быть не могло. Иначе тогда какой смысл в моей миссии – если, конечно, таковая существует? И какой из меня нахрен Меченосец-борец с нечистью, если я не смогу выполнить свой долг и спасти тех, кого я твердо пообещал самому себе вырвать из лап пятиглазого шама?

Рукоять «Бритвы» уже не грела, а жгла мою ладонь, еще немного – и кожа пойдет ожоговыми волдырями. Я открыл глаза и увидел, что интенсивность лазурного света, исходящего от ножа, усилилась многократно. И без подсказки ясно – пора. Сейчас или никогда, ибо аномальная энергия «Бритвы» иссякает с каждой секундой.

Я размахнулся – и нанес своим ножом длинный удар, словно вспарывал сверху донизу огромную картину, растянутую от свинцовых туч до серой травы под нашими ногами.

И картина поддалась.

Послышался треск, лазурные молнии побежали по разошедшимся в стороны краям разреза. Пространство, рассеченное «Бритвой», дрожало и грозило схлопнуться обратно. Но молнии, то и дело пробегающие по краям разреза, держали его, словно электрические пальцы.

Я не стал рассматривать, что же находится за краем междумирья. Я и без этого твердо знал, что там. Огромный город, переживший атомную войну, в центре которого воз-

вышается Кремль – последний оплот человечества, символ возможного возрождения мира, сожженного ядерным апокалипсисом[1].

И я шагнул вперед, с земли, отравленной радиацией, на такую же землю иной вселенной… А, может быть, это и был наш мир, только через двести лет после ядерной катастрофы. Впрочем, какая разница. У меня был Долг перед женщиной, которую я когда-то любил, и я намерен был оплатить его любой ценой.

В мире чернобыльской Зоны светило утреннее солнце, а вселенная Кремля встретила меня вечерней прохладой. Хорошо бы, чтоб это был *тот самый* вечер, из которого мы с Фыфом были вынуждены уйти. Но мы обещали вернуться – и вот мы возвращаемся!

Мы?

Я обернулся, почувствовав, что рядом со мной никого нет…

И закусил губу, увидев то, что меньше всего ожидал увидеть.

В разделяющий миры портал, сквозь который я прошел совершенно свободно, сейчас словно вставили кусок прозрачного бронестекла. И теперь об это невидимое стекло там, с другой стороны, бился Фыф. Стучал кулаками, разевая рот в беззвучном крике, и от каждого удара по прегра-

---

[1] Подробно о мире Кремля можно прочитать в романах литературного проекта Дмитрия Силлова «Кремль 2222».

расходились черные круги.

Точнее, от удара правого кулака, на котором мерцало зловещей чернотой трофейное кольцо. Похоже, тому, кто носил на руке этот артефакт, не было пути через портал между мирами…

Фыф, кажется, понял это и принялся лихорадочно стаскивать кольцо, но то словно приросло к пальцу.

Последнее, что я увидел, был недоуменно-жалобный взгляд Фыфа, словно говорящий: «Как же так? Как ты там без меня? Справишься ли?»

Но портал захлопнулся, скрыв от меня старого друга и мир Зоны, с которым он там остался один на один. Как и я сейчас – с миром Кремля, опасным и враждебным ничуть не меньше чернобыльской Зоны.

– Я справлюсь, Фыф, – сказал я в пустоту. – Я справлюсь. Не сомневайся.

А потом я услышал выстрелы.

Молотили два автомата. Один как трещотка, второй намного глуше – скорее, не выстрелы, а пшиканье, будто сигару в бокале с вином затушили. Только не одну, а много сигар во многие бокалы окунули, частой очередью…

Хотя нет, не очередью. Одиночными. Но часто-часто, словно палец стрелка нажимал на спусковой крючок со скоростью швейной машинки… Но этого просто не может быть! Неужели…

Думал я на бегу, рванув с места не хуже олимпийского

спринтера. Стреляли прямо за домом, обвалившимся с одной стороны то ли от времени, то ли от взрыва, прогремевшего пару столетий назад. И я бежал со всех ног, уже примерно представляя, что сейчас увижу.

Я обогнул здание, за многие десятилетия успевшее прорасти развесистыми кустами и кривыми деревьями, перепрыгнул через очередной мощный корень, проломивший асфальт – и увидел…

Себя.

Там, прямо посреди улицы, кривясь от нереальной боли, я заносил сверкающий нож для того, чтобы рассечь пространство. Рядом у моих ног скорчилось крохотное тельце, обнявшее свой маленький автомат.

Фыф!

С пока что целыми старыми глазными щупальцами, еще не отрезанными «мусорщиками». И, конечно, не прокачанный проклятым кольцом, снятым с пальца страшного порождения Монумента…

А спиной ко мне стояла зловещая фигура, запакованная в черненые старинные доспехи, то ли обновленные в Поле Смерти, то ли откованные на заказ талантливым современным кузнецом.

И я прекрасно знал, кто это такой.

Пятиглазый шам, едва не спаливший наши с Фыфом мозги, вынудивший нас отступить с поля боя в другой мир…

Отступить, чтобы вернуться.

Он был большим, этот шам. Раза в три больше своих низкорослых собратьев, метра два ростом, и в плечах – немногим меньше. Я кожей чувствовал волны страшной, смертоносной энергии, исходящие от него, – но, к счастью, эта энергия была направлена не на меня. Шам готовился убить тех двоих, одним из которых был я сам. Но я уже знал, что у него ничего не получится.

Снайпер на другом конце улицы рубанул «Бритвой» – и прямо в воздухе раскрылся знакомый портал, такой же, из какого я вышел полминуты назад. Схватив маленького шама за воротник, Снайпер швырнул его в прореху между мирами. Потом покачнулся, но в последний момент успел шагнуть туда сам.

И тут я почувствовал, как мне по мозгам словно взрывной волной ударило. Не сильно, по касательной, но еще б немного – и контузия обеспечена. Это шам попытался достать нас с Фыфом мощнейшим энергетическим ударом, будто из башки у него ментальная гаубица прицельно шарахнула.

Ударил – и не достал.

Мы были уже там, за кромкой миров. Лишь границы стремительно схлопывающегося портала слегка исказились, приняв в себя колоссальную порцию энергии.

Впрочем, это не помешало пространству восстановиться. Через мгновение на месте ворот в другую вселенную уже не было ничего, лишь воздух, пропитанный запахом гари и озона, да характерное пятно на асфальте – черное, слегка дымя-

щееся, словно выжженное огнеметом.

Пятиглазый аж взвыл от разочарования. Но тут же совладал с собой и визгливо рассмеялся:

– Очень неплохо, хомо! Ну и ладно. Проваливай туда, откуда пришел!

– Не обольщайся, урод, – сквозь зубы процедил я, вскидывая свой КС-23. – Я уже вернулся.

Шам обернулся на голос.

Ну и рожа у него… На лысой башке супер-шама горели красным огнем пять глаз – два на обычном месте, в человеческих глазницах, два над бровями, и один – во лбу. Эдакая пирамида из гляделок, похожих на раскаленные угли, под которыми длинной щелью, почти от уха до уха, расположился огромный рот.

– Очень неплохо для человека, – растянулась в ухмылке жуткая пасть, причем последнее слово прозвучало явно издевательски. – Ты ведь предпочитаешь, чтоб тебя так называли, правда?

Шам говорил, а я чувствовал, как вокруг меня стремительно нарастает напряжение. Аж воздух начал тихонько звенеть, словно ко мне медленно приближалась стая невидимых комаров.

Понятно. Пятиглазый потратил слишком много ментальных сил на последний удар, выложился по полной. И сейчас ему требовалось время, чтобы хоть немного восстановиться. Совсем чуть-чуть времени. Такому монстру много не надо,

чтобы превратить в кусок печеной плоти мозги какого-то хомо. Секунд пять, может, десять от силы.

Но этих секунд я ему не дал.

– На, тварь, получи от человека, – проговорил я, нажимая на спусковой крючок.

Карабин отрывисто рявкнул, и левый нижний глаз шама взорвался алыми брызгами.

Монстр коротко взвыл, но, что удивительно, сумел устоять на ногах.

Я сам был свидетелем того, как выстрел из моего КС-23 начисто сносит голову живого существа. Но сейчас был явно не тот случай.

Похоже, шам сумел каким-то образом ослабить энергию остроконечной пули, предназначенной для остановки автотранспорта путем его повреждения. И вместо того, чтоб снести полбашки мутанта, пуля лишь выбила его глаз.

В принципе, тоже неплохо, но «комары» вокруг меня никуда не делись. Наоборот, воздух уплотнился, стал вязким, звон стал назойливее, и я почувствовал, как мою голову начали сжимать стальные тиски. Миг – и лопнет она, забрызгав растрескавшийся асфальт кипящей мозговой жидкостью.

Но, несмотря на все это, я продолжал стрелять. Долбить из своей ручной артиллерии двадцать третьего калибра по близкой мишени, в которую грех промахнуться с такого расстояния.

Я и не промахнулся. Ни разу. Лишь, отстрелявшись, по-

жалел, что в карабин больше четырех патронов ну никак не помещается.

Я расстрелял все его глаза. Остался только один, самый верхний, во лбу, горящий алым пламенем ненависти…

И это не было победой. В пустых глазницах шама уже шевелились толстые обрывки то ли глазных нервов, то ли маленьких окровавленных отростков. Из одной глазницы выпала деформированная пуля, вытолкнутая ими. В другой из лоскутов глазного яблока уже почти сформировался новый глаз – пока еще покрытый сплошным бельмом, но еще немного, и утраченный орган зрения будет восстановлен. Как и остальные, выбитые мною…

Медлить было нельзя, с каждой секундой шам набирал силы. Я прекрасно понимал, что восстановление утраченных глаз лишь на несколько мгновений отсрочило мою гибель, слегка ослабив давление невидимых тисков на мой мозг. Поэтому я рванул с места, бросив на асфальт пустой карабин и на бегу срывая с плеча СВД.

К длинной винтовке не был пристегнут штык-нож, также не было у меня времени доставать из ножен «Бритву» – счет шел на доли секунды. И выстрелить – тоже никак. Опустить вниз предохранитель, отвести назад затворную раму, отпустить ее и нажать на спусковой крючок… Для опытного стрелка все это мгновение от силы займет. Но когда нет этого мгновения, когда несешься со всех ног навстречу неминуемой смерти, приходится импровизировать.

Ну, я и сымпровизировал. Размахнулся на бегу да и ударил винтовкой на манер копья, всадив длинный пламегаситель в последний оставшийся глаз чудовища по самую мушку.

Страшный вой разнесся над пустынной улицей. Шам поднял огромные лапы, схватился за ствол, попытался выдернуть его из глазницы… Но я не отпускал винтовку, все глубже всаживая ее в череп врага, словно медведя на рогатину брал.

Однако шам был силен неимоверно, причем не только ментально, но и физически. Я почувствовал, что он вот-вот вырвет из своей башки мое оружие… и помог ему, отступив назад на полшага.

Мутант такого не ожидал. И от неожиданности немного качнулся вперед, подарив мне секунду. Которой мне как раз не хватало, чтобы выключить предохранитель, дослать патрон в патронник и нажать на спуск…

За эту секунду мутант точно выдрал бы пламегаситель из своей башки, здоров он был неимоверно. Но уж больно глубоко в его череп я всадил ствол СВД, так, что мушка аж глазницу проломила и за нее зацепилась. Шам рванулся еще раз… но в этот момент его череп пронзила пуля.

Вой мутанта превратился в неистовый рев. Я не удержал винтовку. Шам выдрал ее из своего черепа, отбросил в сторону – и рухнул на колени. Из его изуродованной головы хлестала черная кровь… но он был еще жив. И, зажимая одной

рукой раскуроченную верхнюю глазницу, другой тянулся к рукоятке монгольской сабли, висящей на его поясе…

И снова счет пошел на секунды. Потому, что остальные глаза шама хоть и замедлили свое восстановление в связи с новым ранением, но не прекратили совсем. Вон с того, что первым сформировался в одной из окровавленной глазниц, бельмо потихоньку сходит, растворяется, и за тонкой пленкой уже можно различить черный зрачок…

Винтовки нет, карабин пустой валяется, пистолет – за пазухой, в кобуре, доставать долго… И я вновь прыгнул вперед, в прыжке выхватывая из ножен свою «Бритву».

Однако шам все-таки успел подняться с коленей и обнажить саблю. И даже замахнулся…

Это было его ошибкой. Рубить нужно в такой ситуации одновременно с извлечением оружия из ножен, в стиле японского искусства иайдо. Либо, на худой конец, колоть, пусть даже оружие для этого не особо и предназначено. Когда нет времени и пространства для замаха, лучше уж принять противника на острие клинка, вонзить в живот холодную сталь, затормозить прыжок, а самому шагнуть в сторону. И уже тогда, выдернув саблю из раны, рубануть, добивая.

Но шам, видать, не особо был искушен в работе клинковым оружием. Наверно, привык больше полагаться на свои ментальные способности и на телохранителей, послушных его воле, словно живые куклы. Потому-то рубануть у него не вышло.

Зато у меня получилось поднырнуть под руку противника и резануть по ней. От запястья – вдоль. Почти до локтя, снимая мясо с кости, рассекая мышцы и сухожилия, которые что у человека, что у мутанта несут одинаковую функцию – сжимать пальцы в кулак…

Лоскут мяса с чавканьем отделился от руки и провис книзу. Пальцы шама ослабли и разжались, сабля выпала из них. Но все это было уже второстепенно, так как вторым ударом я со всей силы вонзил «Бритву» в висок шама и с силой провернул рукоять ножа.

Всё…

Разом обмякшее тело мутанта рухнуло наземь.

И тут я совершил ошибку…

Шам падал, а я в это время попытался выдернуть «Бритву» из его черепа – уж больно мне дорог был мой нож. Нормальный рефлекс любого бойца по отношению к любимому оружию…

Внезапно я почувствовал, как мою ладонь словно пронзили тысячи раскаленных иголок… Я попытался разжать руку… но не тут то было! Пальцы словно приросли к рукояти, и мне поневоле пришлось упасть вместе с шамом. Правда, в последний момент я успел встать на колено и не завалился на окровавленный труп.

Труп ли?

Бельмо в глазнице, залитой кровью, шевельнулось и уставилось на меня. И тут же я почувствовал, как моего мозга

словно коснулись холодные пальцы.

«Очень хорошо… меченосец, – прозвучал мертвый голос в моей голове. – Очень хорошо… Что ж, забирай свой трофей… И живи с ним… если сможешь…»

Я почувствовал, как ледяные пальцы вонзились в мой мозг, проникая все глубже и глубже, с треском разрывая его ткани…

Следом пришла боль – страшная, нереальная, невыносимая настолько, что я смог лишь застонать, до хруста стиснув зубы, ибо больше ничего не мог сделать, потому что невозможно пошевелиться, когда каждый нерв, каждая клетка твоего тела вибрирует, сигнализируя о запредельном страдании, от которого нет спасения…

Внезапно все кончилось.

Резко, словно рубильник выключили. Я стоял на одном колене над трупом шама. Боли не было, лишь все тело колотила крупная нервная дрожь, да камуфляж был полностью мокрым от пота…

Я рискнул пошевелиться. Нет, нормально все. Ничего не болит, даже слабости нет, вполне ожидаемой после такого потрясения.

И тут же я усомнился. А было ли оно, то потрясение? Не привиделось ли мне чего в горячке боя?

Я потянул за рукоять «Бритвы» и легко извлек свой нож из развороченного черепа мутанта. Ну да, все логично. Если этот клинок свободно рассекает границы между мирами,

пробить башку любой твари для него пара пустяков. Соответственно, и с извлечением такого ножа из черепа врага проблем быть просто не может…

Вокруг было тихо. Ни звука, ни ветерка. Ночь стремительно вступала в свои права – и эта тишина могла быть обманчивой. В ней вполне могли таиться какие-нибудь твари, прекрасно видящие в темноте и лишь ожидающие ее наступления для того, чтобы загрызть одинокого путника. Не исключено, что мясо шама и его приспешников, расстрелянных ранее, им придется не по вкусу, и они предпочтут свежатинку. Стало быть, следовало поторопиться.

Я тщательно вытер нож карманом шама, оторванным от его штанов, после чего сунул «Бритву» в ножны и поднялся на ноги. Следовало вооружиться и свалить отсюда подальше, пока не поздно.

Подобрав карабин, я бегло его осмотрел. Вроде все нормально, падение на асфальт ему никоим образом не повредило. Неубиваемая машинка, дай Зона здоровья ее создателям.

А вот моей СВД не повезло. Шибко крепкий череп у мутанта оказался, а, может, на пути пули оказался сгусток аномальной энергии, генерирующийся в жуткой башке шама. В общем, пламегаситель разворотило в «розочку» вместе с передней частью ствола. Да и оптический прицел разбился, когда мутант винтовку об асфальт шарахнул. Короче, накрылось медным валенком мое профессиональное оружие…

Впрочем, неподалеку валялись телохранители шама, расстрелянные тем, другим Снайпером… вернее, мной и Фыфом до перехода в мир чернобыльской Зоны[2]. И возле каждого из них валялся старый добрый АКМ – идеальный, как твоя личная правда, и надежный, как контрольный выстрел в глаз.

Думаю, в России полным полно секретных складов, забитых под завязку этим оружием. СССР после Второй Мировой серьезно готовился к войне с вероятным противником и очень заботился о том, чтоб вооружить каждого боеспособного гражданина в случае таковой. Видимо, один из таких складов и разрыли шайны на пути к Москве. Прискорбно, если теперь у каждого из них в лапах автомат Калашникова. Впрочем, нет худа без добра, потому как помимо карабина у меня теперь тоже будет чем ответить врагу.

Надеюсь, я выбрал лучший автомат из тех, что были разбросаны возле трупов – в наступившей темноте особо не повыбираешь. Искать патроны по подсумкам не стал, просто отсоединил магазины от десятка АКМов и рассовал трофеи – часть по подсумкам разгрузки, часть в рюкзак определил. Тяжеловато получилось, но какому правильному сталкеру запас патронов карман тянет? Совершенно верно, никакому. Иначе это ни разу не правильный сталкер.

---

[2] О том, что было до того перехода Снайпера и Фыфа в мир чернобыльской Зоны, можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон «дегтярева» литературной серии «СТАЛКЕР».

Думал еще свой ВАЛ подобрать, который обронил, когда с Фыфом в портал шагнул, но волевым усилием победил жадность. Во-первых, пустой он, все патроны для него в чернобыльской Зоне остались. Во-вторых, переть на себе третий ствол, к тому же бесполезный, непрактично. Да и в общем-то ни к чему.

Теперь осталось определиться, куда, собственно, шагать. Впрочем, почти сразу это стало очевидным.

В конце улицы замигали огни, раздались вопли на незнакомом языке. Ага. Подчиненные пятиглазого озаботились вопросом, куда это делся их вожак с телохранителями. Серьезный повод для того, чтобы обойти поисковую группу по широкой дуге и направиться туда, откуда они приперлись. Потому, что там, скорее всего, и находится цель моего путешествия.

* * *

Горестные вопли шайнов, потерявших своего предводителя, остались позади. Я знал – еще немного, и они превратятся в крики ярости. Завоеватели Москвы кинутся искать того, кто убил пятиглазого. Но меня это почему-то ничуть не пугало. Может быть, потому, что ночная темень как-то неожиданно перестала быть для меня проблемой.

Нет, я не стал видеть во мраке, словно кошка. Просто я точно знал, что, например, впереди торчит из земли почти

разрушенное временем здание, в которое врос остов боевого робота. Некогда человекоподобная машина смерти рухнула на него, подбитая снарядом, да так и осталась лежать здесь на века, ржавея и потихоньку рассыпаясь в рыжую пыль.

А слева от этого здания – пролом в дороге, который если не заметить вовремя, то прямо и рухнешь в тоннель метрополитена, где того только и ждут десяток руконогов-мутантов, карикатурно похожих на помесь человека с насекомым.

Откуда я это знал? Да черт его знает откуда. Знал и всё. Как и то, что до цели моего путешествия осталось идти не так уж и далеко.

Я шел, лавируя между руинами и рощами хищных деревьев, останками боевых роботов и грудами железа, некогда бывшими танками и бронетранспортерами. Похоже, двести лет назад в этом районе шли серьезные бои между защитниками города и мощным отрядом биороботов, зачищавших Москву после ядерного удара.

Но с зачисткой у них явно не заладилось. Полегли прямо здесь, в Басманном районе столицы, где улица Ильинка плавно перетекает в Маросейку, а та, в свою очередь, – в Покровку.

Правда, и от самих улиц остались лишь названия, которые я на удивление хорошо помнил – когда-то изучал карту Москвы, и вот, пожалуйста. Словно мне ее в мозг вкачали, будто на флешку. Надо же, а я и не подозревал, что у меня такие способности, м-да…

Впрочем, если ты неожиданно обнаруживаешь какие-то ништяки, глупо от них отказываться лишь потому, что ты не знаешь, откуда они взялись. Взялись – и хорошо, пусть будут…

«А ведь ты не хочешь думать о том, откуда у тебя появилась ночная интуиция и такое фантастическое знание фактически незнакомой местности, а, Снайпер?» – пришла равнодушная мысль…

Пришла – и ушла. Ага, не хочу. На фига этим голову забивать? Мне сейчас о другом думать надо. Например, вон о том длинном четырехэтажном здании в старинном стиле с высокими и узкими окнами, похожими на бойницы, и главным входом с восьмиколонным портиком, над которым хорошо сохранился фронтон с изображением двуглавого орла.

Вот она, цель моего путешествия. Бывшие Покровские казармы, в которых вольготно расположился передовой отряд армии шайнов. Надо сказать, немногочисленный. Пятеро хайнов-нойонов, приближенных Пятиглазого, также обладающих ментальными способностями, да дюжина кешайнов – профессиональных воинов, смахивающих на хорошо накачанных двухметровых рептилий.

Остальными постояльцами казарм были пленники, ментально захваченные пятиглазым и его подручными. Будущая армия послушных марионеток. Их захватчики планировали бросить на Кремль в качестве пушечного мяса, которое не жаль потратить. А когда защитники древней крепости ис-

тратят на «кукол» достаточное количество стрел, патронов и физических сил, тогда на приступ пойдет основная армия шайнов, теперь вооруженная не только луками и пороховыми ракетами, но и автоматами, найденными на старом складе.

Их уже много было в казармах, этих безвольных «кукол», скованных ментальными путами и неподвижно стоящих в пустых помещениях. Вполне достаточно для того, чтобы осуществить задуманное. Пятиглазый лишь ждал свою армию, которая должна была подтянуться к рассвету.

Его план удался, все получилось даже раньше, чем он рассчитывал. И пока ученики-нойоны ментально «держали» пленников, пятиглазый решил вечерком прогуляться по теперь уже своим владениям, взяв с собой на всякий случай отряд личной охраны, состоящий из автоматчиков-кешиктенов…

Прогулялся.

Обычно у агрессоров в России прогулки таким образом и заканчиваются. Так было не раз, так всегда будет и впредь.

Однако это было еще не всё.

Вождь шайнов мертв. Но живы его ученики и дюжина их охранников, расположившиеся в Покровских казармах – остальные ушли искать своего хозяина и пока не вернулись. Двенадцать огромных человекообразных рептилоидов, запакованных в тяжелые доспехи кешиктенов с автоматами в когтистых лапах. Откуда я знал, сколько учеников Пятиглазого

и их охранников осталось в казармах? А бес его ведает, просто знал. Иногда лучше не заморачиваться, а то можно додуматься до такого, что тебе самому совсем не понравится.

Обстановку я изучал, укрывшись за кучей ржавчины, некогда бывшей каким-то транспортным средством. Каким – уже не понять, так как все сгнило и проросло развесистыми, колючими кустами. Впрочем, укрытие отличное, пятнисто-разноцветное, в котором моя камуфла по-любому потерялась, даже если рептилоиды обладают способностью видеть в темноте, да еще и в цвете.

Четверо кешайнов стояли возле главного входа в здание, сканируя окрестности большими желтыми зенками, перечеркнутыми вертикальным зрачком. Стояли грамотно, рядом с колоннами, чтоб в случае чего за ними и укрыться. Чуть позади них горел костер, возле которого грелись еще два караульных рептилоида, одновременно жаря какую-то снедь на стальных рогульках, вбитых прямо в крыльцо. Офигенно грамотно, кстати, развести огонь так, чтоб сзади подсвечивать силуэты товарищей! Хотя кого им тут бояться? Я чувствовал, что ментальной силы у учеников пятиглазого вполне достаточно, дабы без проблем справиться что со стаей крысособак, что с отрядом биороботов.

Эх, как я пожалел, что сейчас нет со мной моей СВД или, на худой конец, ВАЛа. «Калашников» – машинка замечательная, но громкая. Начну стрелять по рептилоидам, немедленно ученики-нойоны услышат. И даже сами не пойдут ме-

ня мочить, нафиг им это не надо. Рептилоиды меня огнем прижмут к земле, а нойоны пошлют полсотни «кукол» – и привет. Навалятся кучей, и даже без оружия тупо зубами загрызут.

Задачка однако…

И тут я начал действовать. Совершенно неожиданно для себя, так, как я никогда бы не стал вести себя ранее в подобной обстановке.

Но то было раньше. А сейчас я просто встал в полный рост, закинул за плечо автомат и не спеша направился к входу в здание.

Разумеется, через десяток шагов меня заметили. Рептилоиды аж из-за колонн повылезали – получше рассмотреть, что это за чудо к ним направляется, спокойно и неторопливо, словно по бульвару прогуливается.

А я продолжал идти, наблюдая, как здоровенные кешиктены медленно поднимают свои автоматы. Правильно, куда им торопиться? Очередями отработать из четырех стволов по одинокой ростовой фигуре с тридцати метров – задача элементарная даже для тех, кто впервые взял в руки автомат. Те, что у костра грелись, даже с корточек не приподнялись, лишь повернули головы на длинных шеях, наблюдая, чем кончится этот спектакль.

Но я прекрасно чувствовал, что сейчас у охранников здания в головах имелось некоторое смятение. Если ученики-нойоны ментально захватили очередную «куклу» и ведут

ее в здание, почему об этом не уведомили охрану? Непосредственно захватом занимался Великий, его ученики лишь охраняли добычу, держа ее в состоянии транса. Но так открыто, не боясь ничего, в этом ужасном мире могла ходить только «кукла»! И как тут быть?

– Стой, хомо! – наконец проревел самый здоровый рептилоид. – Говори, кто ты и откуда?!

Я продолжал идти, словно зомби, слегка покачиваясь из стороны в сторону, но когда кешиктен красноречиво щелкнул переводчиком огня, поднял на него глаза и произнес деревянным голосом:

– Не стреляй, о доблестный Нург. Меня прислал Великий, приказав передать тебе это.

Услышав свое имя, рептилоид озадаченно приоткрыл пасть. Вместе с его челюстью вниз опустился и ствол автомата.

– Сам Великий… Послал передать что-то мне… Но Старший Ученик совсем недавно обеспокоился чем-то и послал отряд следом за Великим. Почему же Великий не прислал кого-то из своих воинов?

– Он не счел их достойными, – произнес я, суя руку за пазуху.

– А ты что, достоин, презренный хомо? – осклабился Нург во всю свою зубастую пасть. Рядом громко и угодливо захохотали подчиненные.

– Вполне, – сказал я. – Или ты, доблестный Нург, усо-

мнился в мудрости Великого?

В глазах рептилоида промелькнуло смятение. Его подчиненные разом захлопнули пасти и принялись сосредоточенно смотреть в сторону, усердно делая вид, что ничего не слышали. Лишь один, задумчиво почесав чешуйчатый затылок, произнес:

– Послушай, Нург, а не слишком ли складно этот хомо говорит для безмозглой «куклы»?

Иногда излишняя сообразительность бывает крайне вредной – потому, что в любом бою противник стремится прежде всего уничтожить именно сообразительных. Тупые сами передохнут, а от шибко умных всегда можно получить много проблем. Потому сообразительному и досталась первая пуля, которую я выпустил из пистолета ПСС, достав тот из-за пазухи.

ПСС – машинка бесшумная. Ну, или почти бесшумная. Звук от выстрела – будто кто-то чихнул в кулак. Но от этого «чиха» в башке сообразительного между глаз появилось аккуратное входное отверстие, а из затылка рептилоида на ближайшую колонну обильно плеснуло белесо-красным. То есть толстый череп пробило насквозь. Что неудивительно, ибо пуля ПСС из легированной стали на расстоянии двадцати пяти метров способна прошить двухмиллиметровый стальной лист. А уж башка мутанта никак не крепче стали.

Кстати, вдобавок данный пистолет стреляет не только без характерного звука, но и без пламени. Потому рептилоиды

и не среагировали сразу, пытаясь понять, что за чихающая штука у меня в руках. И пока в тяжелых черепах проворачивались конструктивные мысли, я планомерно вышиб их из тех черепов вместе с мозгами. Нург, правда, попытался вскинуть свой автомат, но не успел и покатился по ступенькам высокого крыльца Покровских казарм, гремя доспехами и оружием.

Надо отметить, что два оставшихся рептилоида, сидевших возле огня, среагировали довольно шустро, вскочив на ноги и схватившись за сабли. Вредный рефлекс при наличии автоматов. Но огнестрелы им выдали несколько дней назад, а с саблями они, похоже, родились.

Два громадных кешиктена ринулись ко мне, сжимая в лапищах сверкающую, остро заточенную смерть. Но две стальные пули, выпущенные из бесшумного пистолета, заставили их споткнуться, с размаху грохнуться на каменное крыльцо и замереть навеки.

Я сунул пистолет за пазуху – и подивился собственному спокойствию. Как-никак боевая ситуация, реальная опасность… Но нет, ничего похожего хоть на малейший выброс адреналина. Отстрелял как в тире по ростовым мишеням, после чего совершенно спокойно зарядил опустевший пистолет последними шестью патронами СП-4, дефицитность которых сложно передать словами. Если и этот магазин придется расстрелять, пистолет можно смело выбрасывать, ибо вероятность найти в этой Зоне такие патроны практически

равна нулю.

Пока я перезаряжал пистолет, от костра потянуло паленым. Горела жратва, которую рептилоиды жарили себе на ужин, так как больше некому было вращать самодельный вертел. Я хотел уже было двинуть дальше, попробовать на прочность высокую и широкую входную дверь, но форма куска горящего мяса на мгновение отвлекла мое внимание от основной цели.

И, присмотревшись, я понял, что жарили на костре кешиктены пятиглазого.

Это была рука. Детская. Вернее, ее фрагмент от плеча до локтя. Отрубили, кость вытащили – вон она валяется – а вместо нее вбили вертел и подвесили над костром. Там же, рядом со свежей костью, расколотой вдоль, чтобы вытащить мозг, лежали обломки других костей. Преимущественно тонких – рептилоиды явно больше уважали нежное детское мясо.

И вновь я не почувствовал ничего. Ни ярости, ни даже возмущения подобной дикостью. Они ели то, что им нравилось. А мне нужно просто убить их всех, чтобы выполнить свой Долг. Потому что, если этого не сделать, они убьют меня. Вот и всё.

Я повернулся, вытащил из рюкзака КС-23 и подошел к дверям. Не заперто, одна створка даже чуть приоткрыта. Ну да, зачем закрывать двери, когда перед входом такая охрана?

Я шагнул внутрь, в темноту. И сразу почувствовал невы-

носимое зловоние. Такая вонь могла быть в зверинце, где с недельку не убирали… Или в замкнутом помещении, где сосредоточено большое количество грязных, немытых тел, неподвижно застывших на одном месте, словно памятники самим себе.

Полная луна вылезла из-за туч, ее холодный, мертвый свет заглянул в высокие окна первого этажа. И в этом призрачном свете я увидел их… Пленников пятиглазого шама и его учеников-нойонов.

Они стояли рядами, словно терракотовые солдаты из гробницы китайского императора Цинь Шихуанди. Живые люди. И живые мутанты – нео, кио, дампы, осмы, руконоги… Все они были, похоже, погружены в состояние сродни анабиозу. Не мертвые, но и не живые. Я коснулся руки одного человека в камуфляже, разодранном на груди. Рука была почти ледяной, как это бывает у трупа, еще не успевшего до конца остыть. Понятно. Жизненные процессы замедлены до предела. Этим «куклам» не нужна пища и вода – до тех пор, пока ментальная команда не выведет их из комы. Странно, почему Глаза не дадут им приказ разорвать меня на части?..

«Глаза? При чем тут глаза?»

Но не успел я подумать, как ответ пришел сам собой.

Так пятиглазый шам называл пятерых своих учеников. «Мои Глаза, которые видят мой Путь и учатся моему Пути». По-восточному высокопарно, с претензией на мудрость. И теперь эти пять средоточий шамьей мудрости ждали меня

там, в глубине здания. Я ощущал их присутствие, а они чувствовали моё. Но не убивали руками своих «кукол».

Я зачем-то был им нужен живым.

Но между мной и ими было препятствие. Нет, не ряды жутких, полуживых «кукол», между которыми я шел довольно свободно, почти не задевая их локтями. Просто залы соединял короткий коридор. Темный. Неширокий. Путь через который был перекрыт лютой ненавистью. Именно так я почувствовал то, что находилось в его чернильной темноте, до которой не могли дотянуться тусклые лучи лунного света.

А потом я понял, от кого исходят эти почти осязаемые волны ненависти… И невольно остановился.

Я знал, что будет дальше. Я слишком явно видел во сне свое очень недалекое будущее, чтобы ошибиться.

Коридор был тем же самым. И в его глубине стояли шестеро, перегораживая его живой стеной.

Живой ли?

Похоже, ученики шама умели управлять мертвыми. Наверно, для них это было проще, чем командовать живыми существами. Во всяком случае, в этих шестерых рептилоидах не было ничего живого. Я не чувствовал ни дыхания, ни биения их сердец. Только лютую ненависть. В «куклах», что неподвижно стояли вокруг меня, было больше жизни, чем в телохранителях «Глаз» шама, убитого мною.

Я знал, что сейчас будет, но отступить – также значило умереть. «Глаза» мертвого шама давно почувствовали меня

и сейчас играли со мной. Испытывали, на что я способен. Убийство охранников на крыльце их не то чтобы впечатлило, но заинтересовало. И сейчас им было просто любопытно, как я предпочту умереть.

Что ж, они хотят игру – они ее получат.

Я поудобнее засунул в рюкзак свой карабин, так, чтоб только рукоять торчала, перекинул ремень АКМ через голову, вытащил из ножен «Бритву» и шагнул вперед. Почему не попытался прочесать автоматной очередью черноту коридора? А потому, что таковы были правила игры. Я знал это совершенно точно. Или я пройду коридор с ножом в руке – или даже не смогу дойти до него, разорванный «куклами», готовыми немедленно подчиниться ментальной команде «Глаз». Те «куклы», что стояли рядом со мной, даже чуть шевельнули головами, вперив в меня бессмысленные взгляды.

Но мне уже было не до них.

Итак, рептилоидов в коридоре было шестеро.

А я – один.

И пути назад у меня не было. Потому я разбежался – и прыгнул вперед, как в том сне, после которого я проснулся в липком поту. И когда кешиктены начали стрелять, бросился им под ноги, кувырнулся, и, сбив с ног одного из стрелков, покатился вместе с ним по каменному полу. Однако это не помешало мне рубануть ножом наугад… и попасть.

На этот раз более удачно, чем во сне.

Кровища из вспоротого горла врага хлестанула нехило, но

я успел увернуться от вязкой струи, сладковато воняющей мертвечиной. Лишь несколько капель на щеку брызнуло. Я знал, что убил полутруп до конца – без крови они напоминают сдувшиеся воздушные шарики. Поэтому, чтобы существовать, мертвым кешиктенам нужна чужая живая кровь. Но сегодня ради того, чтобы поесть, им придется неслабо подраться.

Обмякшее тело живого трупа еще падало на пол, а я уже успел дважды наотмашь рубануть ножом в темноту. Я ни черта не видел, просто знал, куда нужно бить. И в какую сторону уворачиваться, чтобы не попасть под поток вонючей крови.

Такого не было в том сне, где я умер, располосованный автоматными очередями. Может быть, потому, что я учел свои ошибки, сделанные *там*. Бред? Возможно. Но когда сон становится явью, удивляться и сомневаться не нужно. Нужно резать и уворачиваться, вонзать нож, проворачивать его в ране, протаскивать клинок сквозь тела и снова бить в темноту – потому, что, когда точно знаешь, куда нужно бить, темнота не помеха.

– Это… не человек… – прохрипел один из невидимых кешиктенов, оседая на пол, залитый кровью. – Это…

И умер, не договорив, захлебнувшись кровью, хлынувшей из рассеченной артерии в надрезанную трахею.

Я убил четверых, прежде чем оставшиеся двое поняли, что к чему. Они словно по команде вскинули автоматы и на-

жали на спусковые крючки.

В тесном коридоре загрохотали выстрелы, роем рассерженных пчел рассекли воздух пули, отрикошетившие от стен… И не одна из них меня даже не оцарапала.

Потому, что я знал, куда они ударят. И успел поднырнуть под линии выстрелов прежде, чем горячий свинец пронзил мое тело.

Кешиктен стрелял, уперевшись спиной в стену, словно опасаясь, что я зайду сзади и перережу ему горло. Но я лишь катнулся ему под ноги и, вонзив «Бритву» ему в пах, провернул нож на сто восемьдесят, а после рванул его влево и вверх, рассекая мочевой пузырь и кишечник.

Кешиктен вздрогнул от боли – травмы паха мгновенно и очень жестоко дают о себе знать – и не совладал со своим АК, яростно трясущимся в когтистых лапах. Автоматная очередь вышибла облако кирпичного крошева из противоположной стены… и мозги второго охранника из башки, попавшей под случайный выстрел.

Всё…

Я распрямился, резким движением стряхнул кровь с клинка, сунул его в ножны – и невольно скрипнул зубами.

Потому, что все произошедшее только что было неправильно.

Потому, что даже в режиме замедления времени я бы не выжил в этом коридоре.

Сон, что приснился мне в сталкерской хижине, был прав-

дивым.

Я должен был умереть, здесь и сейчас.

Но я выжил.

И объяснение этому могло быть только одно.

«Боишься своей богоподобности, сталкер?» – прошелестел у меня в голове холодный, мертвый голос.

Он был не только жутким, леденящим, но и весьма странным. Словно несколько человек хором шептали одинаковые слова.

«Не можешь поверить, что ты способен на такое? Опасаешься самого себя?»

Многоголосый шепот бил точно, каждое слово – в десятку. Да, я боялся. Я, считающий Смерть своей названой сестрой, «перехожий», способный проходить сквозь границы миров, – боялся того, во что я превратился. Ибо страшно осознавать, что ты – это уже не совсем ты. Что пятиглазый шам перед смертью вкачал в меня свою черную сущность, свою уродливую душу, и Зона теперь знает, сколько процентов от настоящего меня осталось во мне…

«Не бойся, – шептали голоса. – И не сопротивляйся. Иди к нам. Ты прошел проверку. И теперь мы точно знаем, что ты – это ты, наш Хозяин. Мы, твои верные Глаза, поможем тебе излечиться от человеческой сущности, прозябающей внутри тебя. Ты вновь сможешь увидеть мир таким, какой он есть на самом деле. Твой мир, который уже почти лежит у твоих ног».

И я почувствовал, как *нечто*, спящее внутри моего сознания, шевельнулось, отреагировав на зов. Оно пока что было слабым, это *нечто*, но голоса внутри моей головы явно придавали ему сил… Еще немного, и оно подавит мою волю, сплющит ее, уничтожит полностью. И в моем теле вновь возродится Пятиглазый…

– Нет уж, хррен ты угадал, сволочь! – прорычал я, бросаясь из темного коридора вперед, в глубину второго зала, плечами сшибая по пути «куклы», безвольно падающие за моей спиной, словно большие кегли. Они звали меня? Они хотели, чтобы я пришел?

Что ж, я – иду. Пока еще я… Стиснув зубы до боли в челюстях, сжав кулаки до хруста. Потому, что это очень трудно – бежать вперед и одновременно бороться с чудовищем, пытающимся уничтожить твое сознание.

Это было больно. Словно внутри моего мозга родился маленький осьминог и начал шевелиться, разрывая щупальцами мозговые ткани и пытаясь выбраться наружу.

Боль внутри головы нарастала, словно проклятый осьминог собрался выдавить мои глаза и выбраться наружу через пустые глазницы. Я уже очень плохо, словно сквозь густой туман видел то, что происходило впереди. То ли это ожили «куклы» и двинулись мне навстречу, протягивая вперед тонкие, высохшие руки… То ли прислужники Смерти пришли в этот мир, чтобы вытащить из чужого теперь тела мою душу и утащить ее в мрачные чертоги Сестры.

Но мое «я» хоть и очевидно проигрывало чужеродной силе, но еще не было побеждено полностью. Я не был уверен, что поступаю правильно, но какая разница, что ты делаешь на пороге небытия? Главное – делать хоть что-то. Ибо побеждают лишь того, кто сам решил, что он побежден.

В общем, тут же, на бегу, сорвал я с плеча автомат, и широко, от бедра, веером дал длинную очередь, перечеркивая горячим свинцом пространство перед собой. А потом еще одну, в другую сторону, стремительно слабеющими руками пытаясь удержать автомат, внезапно ставший очень тяжелым.

Патроны кончились. Когда стреляешь так, словно из брандспойта поливаешь, они быстро заканчиваются. Плевать. Все равно не было больше сил держать автомат. Пальцы разжались, оружие упало на пол, но звук удара я услышал словно через ватное одеяло. Неважно. Всё неважно. Кроме одного…

Фигур, приближающихся ко мне, вроде стало меньше. А может, и нет. Без разницы. Все равно там, в тумане, что-то шевелилось. Зона меня подери, как же это трудно поднять руку! Поднять, взяться за пистолетную рукоять карабина и тащить, тащить, тащить его, тяжеленного, словно стокилограммовая чугунная балка. Но я должен его вытащить… Должен… должен…

Я рухнул на колени – ноги больше не держали – и чудом не завалился вперед. Хорошо. Лучше сдохнуть на коленях, со-

противляясь, чем умереть, стоя столбом и не оказав сопротивления… Потому, что я должен…

В тот момент я уже ни черта не соображал, и от меня осталось лишь одно слово, бьющееся где-то в отдаленных уголках мозга, не захваченного проклятым осьминогом.

«Должен… должен… должен…»

Внезапно я осознал, что ору это слово, громко, до боли в горле, с каждым криком чисто рефлекторно, из последних сил нажимая на спусковой крючок своего КС-23. И заряд крупной картечи раз за разом бьет в кровавую массу, лежащую впереди, в пяти шагах от меня, вырывая из нее крупные куски плоти…

А потом я понял, что не чувствую рук. Как и всего остального тела.

Пустой карабин с грохотом упал рядом с автоматом, но я ничего не смог сделать. Тело было словно не моим… Словно? Или все-таки моим?

Я зажмурился. Крепко, до боли в глазных яблоках. Хорошо. Очень хорошо! Если двигаются веки, значит, не все потеряно.

И почти сразу заколoло везде, словно я отлежал всего себя и вдруг решил пошевелиться. Блин, как же неприятно-то! Я шевельнул рукой, и новая волна покалываний, болезненных, как иглы татуировщика, прокатилась от плеча до кончиков пальцев. Плевать. Главное, что я – это пока еще я, и ради этого можно вытерпеть очень многое.

Держась, чтобы не взвыть от этой пытки тысячью игл, я поднялся на ноги. Неужели все кончилось?

Я сделал шаг, потом второй. Оружие подберу потом, все равно от него сейчас нет никакого толка. И не заряжу, и не выстрелю, пока еще руки еле слушаются. А вот ноги переставлять могу. Уже неплохо. Так что это, блин, за фарш валяется впереди? Ближе. Еще ближе…

Это было неаппетитно. Мягко говоря. Другой бы на моем месте, с менее крепким желудком, пожалуй, блеванул прямо тут. И было от чего. Крупная картечь КС-23 обладает воистину страшной разрушительной силой. Существо, попавшее под выстрелы моего карабина, она просто разворотила в бесформенный, кровавый фарш. И не понять, кто это был раньше.

А чуть подальше еще один лежит. Почти такой же, но с целой головой. И одной рукой, оторванной напрочь, валяющейся в метре от тела.

Впрочем, меня заинтересовала только голова. Слишком красивая для обычного земного существа. Слишком совершенная. Заляпанная кровищей чуть меньше, чем полностью. Но, несмотря на это, было понятно – это голова женщины. Густые черные волосы, точеные черты лица, полные губы, тонкий нос, маленькие ушки совершенной формы. И даже то, что у головы был лишь один глаз, ее совсем не портило.

Большой, широко раскрытый, безумно красивый глаз, обрамленный длинными ресницами, был расположен точно

над носом, под густой, красиво изогнутой бровью. Умело наложенный макияж подчеркивал его выразительность. В этом широко раскрытом глазу застыли удивление и детская непосредственность, свойственные редко встречающемуся и бесконечно милому типажу «женщины-ребенка». Такую обидеть стыдно даже прожженному грабителю, специализирующемуся на отъеме дамских сумочек. В общем, весьма красивая голова для циклопши, вероятно родившейся от противоестественной связи представителей двух рас – людей и шамов.

Туман перед моими глазами почти рассеялся. Я проморгался, и в тусклых лучах лунного света, падающих из окон, смог рассмотреть, что наделала моя стрельба вслепую.

Справа и слева от меня сломанными куклами валялись пленники Пятиглазого. Четыре ранее неподвижных фигуры, случайно попавших под свинцовую раздачу. Осм, юная самка нео и два человеческих тела в грязных лохмотьях. Что ж, бывает, увы. На войне неизбежны случайные жертвы.

Зато чуть дальше на полу, раскинувшись, лежало тело третьего Глаза. Или третьей. Похоже, Пятиглазый набрал себе в личные помощники полукровок, то ли появившихся на свет случайно, то ли выведенных искусственно.

И надо отдать должное, помесь получилась удачной. Обнаженное мертвое тело девушки было прекрасно, словно высечено из мрамора. Правда, отверстия от автоматных пуль его слегка портили, но какая ж красота без изъяна. А иногда

ту красотищу приходится уничтожать к чертям собачьим, ибо зачастую то, что красиво внешне, крайне опасно и насквозь прогнило внутри…

Но любоваться обнаженным трупом мне было неинтересно. Гораздо важнее понять, куда делись остальные два псионика. Впятером они чуть не лишили меня собственного тела. Вдвоем, думаю, они лишь немногим менее опасны. Почти что разбуженная сущность внутри меня, похоже, временно заглохла без их помощи. И мне совершенно не хотелось, чтобы эксперимент по ее пробуждению повторился.

Ощущение игл, покалывающих мое тело, практически сошло на нет, мои руки перестали трястись от слабости. Тело, подвергшееся нехилой ментальной атаке, постепенно возвращалось в норму. Отлично. Осталось лишь вернуться за своим оружием и…

Дикий, нечеловеческий визг разорвал тишину, царящую в зале, наполовину заполненном все еще неподвижными «куклами». Справа, из-за крайнего ряда пленников Пятиглазого ко мне метнулась гибкая тень. Я успел заметить, как в лунном свете металлическим блеском сверкнули длинные когти на растопыренных пальцах мутанта.

А еще я увидел глаз…

Большой и невероятно красивый в своей детской непосредственности. Добрый, милый взгляд, от которого становится тепло на душе и легко на сердце. До тех пор, пока то сердце не вырвут из груди жертвы стальные когти.

Я все это прекрасно осознавал, но ничего не мог поделать. Взгляд единственного глаза подручной мертвого шама был настолько невинен, что у меня и мысли не возникло выдернуть из ножен «Бритву» и попытаться защититься. Разве можно убивать наивную девушку, которая, играя, бросилась на тебя с кулачками?…

«Можно, – словно кто-то произнес внутри моей головы. – Точнее, необходимо, если эта девушка твердо решила убить тебя и вполне способна это сделать».

Моя рука легла на рукоять «Бритвы»… но я все равно не успевал ни ударить ножом навстречу, ни уйти от стремительного броска. Мое тело еще не до конца восстановилось после ментальной атаки. А когда в мышцах нет силы для резкого и мощного рывка вбок, бесполезно даже пытаться спастись от смертельного удара. Тварь, способная столь быстро двигаться, по-любому перехватит в воздухе слишком медлительную жертву…

Все это промелькнуло у меня в голове за доли секунды. Тому, кто не раз бывал в бою, несложно просчитать шансы на спасение. И понять, что их просто нет…

Но за долю секунды до того, как в мое горло вонзились страшные когти, из толпы «кукол» наперерез гибкой твари бросилась длинная серая тень.

Точнее, мне так показалось, уж больно быстрым был бросок. А потом по полу покатился клубок из двух тел, рвущих друг друга на куски. В разные стороны летели капли крови

и клочья грязной шерсти, звериный рев перекрыл истошный визг ярости, казалось, рвущий душу на части…

Этот визг встряхнул меня, словно разрядом электрического тока. Выхватив «Бритву» из ножен, я метнулся вперед, к клубку дерущихся монстров – ибо мой неожиданный спаситель тоже был монстром. И еще неизвестно, какой из них страшнее…

Существо, бросившееся на подручную Пятиглазого, очень напоминало помесь волка и человека. Серая шерсть, мощные, когтистые лапы, широченные плечи, толстая шея… И голова на ней, одновременно похожая и на человеческую, и на звериную. Уши острые, торчащие кверху, загривок лохматый, лицо, сильно вытянутое вперед с переразвитыми клыкастыми челюстями. Остальное было не разобрать в этой куче окровавленных тел, рвущих друг друга на части.

Кроме того, что волкоподобному приходилось туго…

Он, видать, еще не совсем пришел в себя после ментального удержания. Только и хватило сил, чтобы броситься вперед, сбить с ног подручную Пятиглазого и несколько раз рвануть ее клыками и когтями. А потом его тело, долгое время лишенное движения, воды и пищи, начало быстро сдавать. Одноглазая бестия драла его своими когтями, прорубая в плоти получеловека-полузверя глубокие борозды.

Наконец, ей удалось подмять под себя обессилевшего, израненного мутанта. С торжествующим визгом занесла она свою когтистую лапу над его горлом, чтоб ударить в послед-

ний раз.

Но у нее не получилось.

Потому, что я тихонько подошел сзади и резко ударил «Бритвой» по запястью твари.

Она даже не поняла, что произошло. Не почувствовала боли, так как хороший нож зачастую режет безболезненно – боль приходит позже. Одноглазая ударила противника, метя точно в горло… но вместо того, чтоб убить, лишь обдала его потоком крови, хлынувшей из обрубка. А когтистая кисть упала на пол, продолжая сжимать пальцы словно в бессильной ярости.

Поняв в чем дело, подручная Пятиглазого обернулась, и я вновь поразился невинной чистоте ее взгляда. Никогда бы не подумал, что единственный глаз во лбу мутанта может быть настолько прекрасным. Я даже отвлекся на мгновение, уставившись на эту красоту, и чуть не прозевал момент, когда одноглазая попыталась ударить меня снизу второй лапой.

Но не вышло у нее. Дернулась вхолостую. Ее атакующую конечность из последних сил схватил своими лапами волкоподобный. И держал, трясясь от напряжения и аж скульнув тихонько при этом: мол, ты бы поторопился, хомо, надолго меня не хватит.

Я и не стал больше медлить. Сделал шаг вперед, схватил одноглазую за роскошные волосы, и, глядя прямо в ее прекрасный глаз, наотмашь рубанул «Бритвой» по длинной, красивой шее.

Голова легко отделилась от тела, будто на пластилине держалась. Что и говорить – когда моя «Бритва» в форме, ей нет равных, ни плотные мышцы, ни шейные позвонки для нее не препятствие. Лишь с каждой отнятой жизнью прибавляется лазурной синевы у клинка, гуще и насыщеннее становится его цвет, подпитываясь энергией смерти.

Я приподнял отрезанную голову на уровень своего лица, посмотрел, как угасает жизнь в огромном глазу, – и отбросил в сторону страшный трофей. Я не люблю убивать, но слишком часто приходится это делать, чтобы самому остаться в живых. И неплохо, черт возьми, когда вместо тебя умирает твой враг. Ибо очень обидно, когда случается наоборот. Я уже не раз умирал, я знаю.

– Снайпер? Ты?

Голос, раздавшийся за спиной, был до боли знакомым. Впрочем, поправлюсь: я, несомненно, по привычке так подумал. Это раньше он был «до боли», до дрожи во всем теле. Сейчас же – просто хорошо знакомый женский голос. Очень хорошо знакомый.

И я не ошибся. Обернувшись, я увидел девушку с синими глазами. Ее, как я понимаю, тоже захватил Пятиглазый. Но, поскольку сделал он это с ней позже, чем с остальными, она и пришла в себя раньше других. Кстати, и почему я раньше думал, что у нее глаза цвета чистого неба? Поэт, блин. Просто синие глаза. Как у многих.

– Ага, я, – сказал я.

И отвернулся, высматривая, куда подевалась пятая одноглазая тварь. Спряталась в толпе медленно оживающих «кукол»? Или убежала от греха подальше, бросив сестер? Кстати, если б они вдвоем бросились, серый мутант ничем бы мне не помог. На пару они нас сделали б как пить дать, разорвали в бастурму. Но тварь предпочла спасти свою шкуру. Впрочем, нельзя ее осуждать. Правильное решение. Своя-то шкура всяко дороже чужой будет.

Но одноглазой нигде не было. А вот на мое плечо легла рука и попыталась развернуть меня в свою сторону. Хммм… Не люблю я, когда меня пытаются повернуть куда-либо против моей воли.

Но все-таки я развернулся. Почему? Да просто вспомнил, что вроде как ради этой девушки я пришел в этот мир. Решил, что это мой Долг ее спасти. Именно так, Долг с большой буквы. Забавно. Глупо вешать на себя долги, когда ты ничего не должен. Тем более когда это выдуманные тобой же обязательства перед девушкой, которой ты совершенно не нужен.

Она стояла передо мной, пытливо вглядываясь в мое лицо, словно хотела найти там что-то. И, видимо, не находила. А что там можно найти, кроме чужой подсохшей кровищи, которая скоро высохнет совсем и начнет отваливаться, словно кора с трухлявого дерева?

– А ты стал другим, – медленно произнесла она. – Вроде ты – и в то же время не ты.

– Людям свойственно меняться, – хмыкнул я, вытирая клинок «Бритвы» об грязный рукав. – Ты вон тоже стала другой. Сначала меня любила, потом полюбила его.

Я кивнул на серого мутанта, который лежал на полу, хрипло дыша. Нехило его порвала одноглазая. Выживет ли? Хотя какое мне дело. Не завали мы ее, никто бы не выжил. А так у него теперь есть шанс. Так что друг другу мы ничего не должны.

– Ты не понимаешь, – очень тихо, едва слышно произнесла она. – Ты ничего не понимаешь…

– Пусть так, – кивнул я. – Я тупой сталкерюга, я ничего не понимаю. И на этом закончим. Пойду я, пожалуй. Все долги отданы, и мне тут больше делать нечего. Береги своего серого. Можешь ему спеть про пыльник, крылья и чистое небо. Глядишь, быстрее оклемается.

По залу шатались понемногу приходящие в себя бывшие «куклы». При этом оголодавшие нео уже косились на людей и более слабых мутантов. Да и осмы вон рылами водят туда-сюда, прикидывают, то ли свалить, то ли попробовать присоединиться к нео. Авось не прогонят, жратвы на всех хватит.

Признаться, не хотелось мне участвовать в том, что должно было тут начаться минут через десять, когда мохнатые Новые люди окончательно оклемаются и приступят к трапезе. Поэтому я присмотрел себе свободный участок в углу зала, подобрал свои автомат с карабином и направился туда.

Позади мне послышался жалобный всхлип. Ох, как же я ненавижу сопливые мелодрамы, особенно если они происходят в жизни. Уж лучше двину-ка я обратно в Чернобыльскую Зону. Подальше от голодных нео, бешеных биороботов и женских слез, искренних, как плач крокодила по жертвам, съеденным им же.

Моя «Бритва» сверкала синевой, словно чувствуя, что ей сейчас предстоит сделать. Наелась чужих жизней, сытая, довольная, готовая к работе. И верная, как преданная собака. Всяко у нас с ней было. И болела она, и крали ее у меня, но всякий раз возвращалась она ко мне. Потому я простой и страшной искренности оружия верю больше, чем женским слезам. И моя личная практика показывает, что в вечном противоборстве Любви и Смерти моя сестра обычно побеждает. Честностью, бескомпромиссностью и полным отсутствием мелодраматических соплей.

Я зарядил автомат с карабином и совсем уже собрался рубануть своим ножом пустое пространство перед собою, как на мое плечо вновь легла чья-то рука. Гораздо более тяжелая, чем предыдущая.

– Ну что еще, мать твою? – резко развернулся я, вполне готовый подкормить свою «Бритву» еще одной жизнью…

И не подкормил.

Потому, что передо мной стояла еще одна хорошая знакомая из прошлого, которая однажды чуть не отправила меня

на тот свет, проколов грудь и легкое танталовым штыком[3]. Девушка-киборг с порядковым номером 5627NST876. Тоже, кстати, с пронзительно-синими глазами, красивая до невозможности.

Все в ней было избыточно. Маленькие ступни, тренированные бедра, обтянутые эластичными серебристыми шортами, узкая талия, руки – мускулистые, но в то же время не отталкивающие буграми плоти, как это бывает у тренированных спортсменок. И лицо, совершенное в своей красоте, искусственно созданной гением академика Кулагина.

Вообще в постапокалиптических мирах довольно часто встречаются красивые девушки. Причины этому разные. Направленные мутации, инициированные учеными. Переделки внешности с помощью артефактов. Изменения плоти, которые хищные твари совершают над собой, чтобы приманить доверчивого мужика и полакомиться человечинкой. А вот нормальной, естественной красоты тут почти не встречается. Выжгли ее на этой планете двести лет назад тотальной ядерной войной. Такие дела…

– Ты видел Фыфа? – прервала мои раздумья Настя – так я ее прозвал однажды. – Где он?

Ишь ты! Кто бы мог подумать, что мой трехглазый приятель способен вызвать подобные чувства у полудевушки-полумашины. Глаза горят, высокая грудь вздымается, кулаки

---

[3] О том, как это произошло, можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Юг» литературного цикла «Кремль 2222».

сжаты. Как говорится в народе, любовь зла, полюбишь и козла. Хотя, на мой взгляд, вышеназванное парнокопытное выглядит как-то естественнее, нежели жутковатые с виду представители племени шамов.

– Там он, – сказал я, кивнув на пустую стену.

– Издеваешься? – надвинулась на меня Настя, того и гляди порвет. А она может. Только не на того напала.

– Спокойнее, родная, осади-ка назад, – сказал я, направляя ей в живот ствол КС-23. – А то не посмотрю, что мы давно знакомы, и влегкую научу вежливости.

Киборг скользнула взглядом по карабину, способному насквозь прошивать бронелисты и пробивать бетонные стены.

– Ладно, погорячилась, – процедила она сквозь танталовые зубы. – Просто уж больно по нему соскучилась.

– Я тронут, – хмыкнул я. – Если хочешь, можешь пойти со мной. Только смотри не пожалей потом. Мир, в который я ухожу, местами намного хуже этого. И Фыф твой стал совсем другим.

– Ты тоже стал другим, – прищурилась Настя. – Совершенно другим. Будто подменили.

– Спасибо за комплимент, – сказал я, сунув карабин в рюкзак и вытащив из ножен «Бритву». Если кио сзади кинется, точно успею полоснуть ей по горлу, а там уж как карта ляжет.

Ну, а дальше все произошло так же, как обычно.

Я ударил сверкающим ножом по воздуху, словно занавес

разрезал – и края рассеченного пространства разошлись в стороны, словно я живому существу нанес нехилую рану. Ах да, помнится, Кузнец говорил, что надо очень четко представлять, куда я хочу попасть. Странно, но сейчас мне это было абсолютно по барабану. Вроде совсем недавно в Чернобыльскую Зону собирался, только вот зачем оно мне?

Впрочем, какая разница. Этот мир мне тоже в общем-то по фигу, но в Чернобыльской Зоне хоть не носятся по зараженной земле бешеные биороботы, и красивые девчонки, волоча по полу безжизненное тело мутанта, не бросают на тебя взгляды, полные ненависти. Вот и спасай их после этого. Бессмысленное и бесполезное дело помогать кому-либо. Добро люди воспринимают как должное и очень быстро забывают о нем. А то еще и мстить могут начать, мол, ишь ты, сволочь какая, добро мне сделал! На, гад, получи, чтоб впредь неповадно было в мою жизнь вмешиваться!

– Ну и пошли вы все к шамовой матери, – сказал я. И шагнул в разрез между мирами. Следом за мной то же самое сделала кио. Что ж, ее выбор. Пусть теперь расхлебывает. А еще боковым зрением вроде как уловил я, будто за спиной Насти промелькнуло что-то, словно мимолетная тень скользнула на фоне мерцающих краев портала. Но, скорее всего, мне это только показалось.

* * *

Под моими ногами вновь была знакомая серая трава Чернобыльской Зоны. А перед глазами – знакомый дом, в котором мы с Фыфом прожили несколько дней, восстанавливаясь и залечивая раны. Правда, этот гостеприимный сталкерский «пансионат» теперь выглядел намного хуже, чем в тот момент, когда мы его оставили.

Точнее, дома больше не было. Лишь еще дымящаяся куча сгоревших бревен от него осталась, да закопченная печная труба, торчащая из этой кучи.

Вот те на! А я-то рассчитывал в «пансионате» пополнить запас патронов, да и заодно отвязаться от Насти, сдав ее Фыфу с рук на лапы.

Жаль, не вышло. Ну да ладно. Теперь я в Зоне, которую знаю как свои пять пальцев, так что пришло время вплотную заняться собственным благополучием. Для начала соберу крепкую группировку, меня тут знают, за мной многие пойдут. Потом зачищу Зону от конкурентов и стану тут полновластным хозяином. А после…

– Где Фыф?

Ну вот, блин, связался с танталовой бабой на свою голову, подумать не даст. И на кой оно мне надо?

– Где-то в данной конкретной Зоне, – недовольно бросил я. – Когда я уходил, он тут был. Сейчас может ушел куда.

Твой мужик, ты и ищи, я-то тут при чем?

– Вообще-то он твой друг, – сквозь зубы напомнила кио.

– Самый лучший друг для меня – это я сам, – сказал я. – И давай на этом поставим точку. Я тебя сюда привел по твоей просьбе, теперь…

– Погоди! – подняла руку Настя, внимательно вглядываясь в непроглядную гущу леса, окружающего поляну. Увидела что? У нее ж не просто глаза, у нее в черепе и радар, и тепловизор встроены, и слух гораздо острее человеческого.

– Там, за деревьями, прячется кто-то, – прошептала она. И вдруг резко бросила: – Ложись!

На такие команды я приучен реагировать не спрашивая, зачем да почему. Плюхнулся на брюхо, и тут же за деревьями хлопнуло. После чего я отчетливо услышал, как справа, прям над головой Насти просвистела пуля.

Вот ведь, блин… Из чего стреляют – непонятно, деревья звук глушат и искажают. Откуда? А черт его знает откуда именно, из леса пуля прилетела. А мы – на открытой местности. Может, танталовая подсобит своими тепловизорами? Только вот толку от ее способностей маловато. Всё, чем она располагает из оружия, так это металлические штыки, выдвигающиеся из ладоней, да огненная отрыжка изо рта, наподобие маломощного огнемета. До деревьев по-любому не добьет.

– Слышь, лови!

Я бросил ей автомат. Она его поймала и грамотно отка-

тилась в сторону, за пригорок. После чего я сам жахнул из КС-23 в сторону деревьев. До них метров сто, и толку от моей картечи – чисто стрелка на себя отвлечь. Который, кстати, опять в нашу сторону пальнул. И снова справа прошелестело, но вспышки от выстрела в гуще деревьев я не увидел. Вот сволочь! А ведь третьим выстрелом он кого-нибудь из нас точно достанет…

Но тут рядом со мной коротко тявкнул «калаш». Один выстрел. И тишина.

– Готов, – негромко сказала Настя, поднимаясь из-за укрытия. – Он один был, больше нету.

– Понятно, – сказал я, вставая на ноги. – Одного оставили на оборудованной лежке. Проследить, не вернусь ли я.

– Опасались, что ты Фыфа искать будешь, которого они утащили.

– Ну да, по ходу, все это они ради нас с Фыфом устроили, – сказал я, кивнув на пепелище. – Целый штурм организовали, числом не менее роты.

Всё это легко читалось по следам. Да штурмующие особо и не скрывались. Вон вся трава вытоптана их берцами. А от края леса до сгоревшего дома через минное поле – черная полоса выжженной земли. То есть знали куда шли и приволокли с собой ЗРП-2, переносной заряд разминирования, прозванный в войсках «Змеем Горынычем». Отстрелили ракету с детонационным кабелем, который и рванул, проделав проход к дому. Ага, а Фыф незваных гостей не пустил, при-

нялся из пулемета поливать через окно-бойницу, вон в деревьях отверстия характерные. Так, а они его, по ходу, газовыми гранатами закидали, вон баллон от «Черемухи-12» возле сгоревшей стены дома валяется. Что на человека, что на шама облако раздражающего вещества CS, по идее, должно действовать одинаково – предки-то у нас по-любому общие.

В общем, операция была продумана хорошо. И продумана либо военными, либо военизированной группировкой – большинство обычных сталкеров про «Змея Горыныча» и «Черемуху-12» слыхом не слыхивали. А уж достать такое в Зоне простому сталкерюге вообще нереально, для этого нужны нехилые связи с военными за Периметром.

Все это я продумывал, пока мы с Настей шли к кромке леса. Надо ж глянуть, кого она подстрелила…

Но дойти не получилось.

До ближайших деревьев оставалось метров пятьдесят, когда она замерла на месте.

– Что? – тихо спросил я.

– Сюда идут, – так же негромко ответила она. – Их человек двенадцать. И они почти рядом. Похоже тот, кого я подстрелила, успел вызвать по рации подмогу.

Так. Дюжина хорошо подготовленных вояк против нас двоих. Шансы уцелеть очень невелики. Они наверняка хорошо знают лес, а также в курсе насчет того, что их вшестеро больше. Конечно, киборга завалить непросто, но не сложнее, чем бойца в экзоскелете. Я прекрасно видел, как под ураган-

ным огнем гибнут и опытные вояки, запакованные в экзо, и кио, считающие себя неуязвимыми терминаторами. А два отделения стрелков военизированной группировки нам этот ураганный огонь обеспечат запросто.

Я бегло осмотрелся.

Не-а, без толку. Укрыться негде. Бежать тоже некуда, догонят по-любому, а изображать из себя дичь, гонимую охотниками, я не привык. Единственное – сзади, где за нами должен был закрыться портал в другой мир, продолжала мерцать вертикальная линия разреза. Будто кто прямую молнию подвесил в воздухе, и она так и осталась висеть. Интересное явление, но сейчас мне было явно не до него.

Я не сомневался в словах кио – из леса навстречу нам шагала неминуемая смерть. Оставалось либо залечь на ровном месте и принять бой, либо рвануть до границы леса и попробовать повоевать между густорастущими деревьями. Эх, блин, и с патронами к карабину беда. Картечи осталось восемь патронов, а пулевых – в два раза меньше.

Конечно, КС-23 зверюга мощная, но не для скоротечного боя. Правда, для «калаша» кио патронов в избытке, но радости это не прибавляло.

Мы поняли друг друга без слов и рванули вперед одновременно. Потому, что в ситуации «мы на открытом месте, а они за деревьями» нас просто расстреляют словно в тире. В лесу при таком численном превосходстве тоже убьют, но хоть заберем с собой в Край вечной войны сколько-нибудь

вражьей силы. Не так обидно помирать будет.

Мы с ними почти нос к носу столкнулись. Я уже без Насти прекрасно видел мелькающие меж деревьями фигуры бойцов в приметной черно-красной экипировке знаменитой группировки «Борг». Не лучшая маскировка. Прямо скажем, никакая. Но говорят, «борги» специально такую униформу таскают. Мол, как увидите черно-красный бронник или комбез, лучше заранее стреляйтесь.

Про их форму много легенд ходит. Кто-то говорит, что основатель группировки сильно черных змей уважал, у которых брюхо красноватое. Кто-то утверждает, что такая расцветка взята по аналогии с ядовитым пауком каракуртом.

Злые языки же поговаривают, что «борги» сдуру позаимствовали красно-черный колор у жуков-солдатиков. Так как сами все из бывших вояк, мол, обоснованный выбор. Солдаты мы навсегда, и расцветка это подтверждает. При этом, мол, дуболомы эдакие, не знали, что жуки-солдатики относятся к семейству клопов.

Впрочем, я не склонен думать, что «борги» такие уж идиоты. Напротив, бойцы они отличные, знающие Зону как свои пять пальцев. И что плохо – по слухам, они недавно с фанатиками снюхались, которые считают себя хранителями местного Зеркала Миров, называя гигантский кристалл Монументом.

Понятно теперь, откуда ноги растут. Монумент, его пристяжь, «мусорщики» и «борги», получается, теперь одна

шайка-лейка. А я Монументу крепко насолил, и теперь эта – чего уж тут говорить – разумная аномалия с пугающей настойчивостью посылает по мою душу своих прислужников с единственной целью: грохнуть на фиг докучливого сталкерюгу. И Фыфа я увел из-под носа у «мусорщиков», которые его захватили для своих опытов. Теперь, получается, он снова у наших врагов, которые с «мусорщиками» заодно. А «боргам» Монумент дал задание меня вычислить и зачистить. Что ж, все сходится.

Такие вот разумные мысли пронеслись в моей голове со скоростью пули, пока я, аккуратно выглядывая из-за дерева, прикидывал, в кого мне стрелять сначала. Обычно «борги» «четверками» по Зоне шатаются – командир группы, снайпер, пулеметчик и гранатометчик.

И в данном случае тоже ничего не поменялось. Три командира, запакованные в экзоскелеты. Три снайпера, похоже, с «Винторезами». Пулеметчики с ПК или «Печенегами», отсюда подробно не рассмотреть. Плюс еще трое с РПГшками за спиной и автоматами в руках, так как гранатометом в лесу можно разве только самоубиться.

Надо отметить, что у «боргов» те, кто не командиры в экзоскелетах, тоже нехило прикинуты – со снабжением у этой группировки все замечательно, им «шкуры» делают по спецзаказам. Помимо экзо, три модели брони у них на вооружении: для рядовых, сержантская и офицерская. Третья – самая дорогая и навороченная, просто так офицера «боргов»

не завалишь. Короче, попали мы с Настей плотно, и хрен из такого переплета выкрутишься…

Тем не менее сдаваться я не привык, и потому как только над кустами метрах в пяти появилась башка в шлеме с непрозрачным защитным стеклом, я в ту башку из своего карабина и выстрелил. Патроны в моем КС-23 были заряжены особенные, «Баррикада» называются. Со стальной остроконечной пулей, применяемой для принудительной остановки автомобилей путем фатального повреждения двигателя.

В данном же случае многослойное бронестекло «борговца» не спасло. Пуля прошила его насквозь вместе с черепом, как ни в чем не бывало вылетела из затылка и кого-то там еще за спиной убитого достала, потому что тот взвыл на весь лес. Убитый же постоял еще с полсекунды на месте, после чего рухнул в кусты.

Надо отдать должное, «борги» на мой выстрел отреагировали шустро. Я даже второго раненого добить не успел. Рассредоточились по лесу, прячась за деревьями, только их бубнеж в рации до меня доносился.

Ну понятно. Сейчас обходить начнут, в полукольцо брать. А потом примутся выдавливать плотным огнем на открытое место, где нас можно будет без помех пустить в расход. Жаль конечно, что инструктора «боргов» такие мудрые. Была б подготовка у этих бойцов попроще, глядишь, можно было бы попытаться прорваться и уйти в лес. Тут же точно не получится. Только высунься из-за дерева, сразу и отстрелят то,

чем высунулся.

Настя стояла за соседним кривым дубом толщиной в три обхвата. Лицо абсолютно бесстрастное, фиг поймешь, о чем думает. Наверно, о том же, о чем и я. Что выход у нас по-прежнему один: все-таки попытаться прорваться. То есть сдохнуть. Но сдохнуть красиво, в бою. Хотя кто ту красоту оценит? Плюнут на трупы да уйдут, даже не похоронив. Вот и вся красота.

– Ну чего, пойдем, что ли? – усмехнулся я, досылая в патронник очередную «Баррикаду»?

– Ну, давай сходим, – одними губами улыбнулась девушка-киборг. – Хоть ты теперь и не Снар, а хрен знает кто, но все равно вдвоем помирать веселее.

И совсем мы уже было вывернулись из-за наших укрытий, собираясь стрелять во все, что движется, как вдруг тишину, повисшую над полем будущего боя, разорвал дикий, истошный крик.

Так могло кричать живое существо, испытывающее адскую, запредельную боль, страстно желающее умереть, лишь бы прекратить свои мучения. Крик был приглушен, стало быть, не иначе это «борговец» орал через фильтрующую маску легкого костюма-комбинезона, предназначенного для рядового состава.

Мы с Настей переглянулись, кио недоуменно пожала плечами. Кто-то атаковал «боргов» с тыла, причем выстрелов не было слышно. Ни со стороны атакующих, ни от атакуемых…

Кто это? И как это? Ведь даже легкий заказной бронекостюм богатой и влиятельной группировки пробить не так-то просто.

И тут я услышал еще один звук. Предсмертный клокочущий хрип. Такое бывает, когда человек с перерезанным горлом захлебывается в собственной крови, тщетно пытаясь вздохнуть. «Борги» зарезали того, кто убил их товарища?

Но я ошибся в своем предположении. Ибо члены группировки принялись стрелять. Все. Одновременно.

И не в нас.

Причем эта беспорядочная стрельба говорила о многом. Первое: они были сильно напуганы, хотя испугать черно-красных головорезов не так-то просто. И второе: они не видели тех, в кого стреляли, по старой, отработанной схеме подавляя противника огнем. Правда, когда противника не видно, это занятие превращается в пустую трату патронов.

Правда, было и третье. Если «борги» стреляют в противоположную от нас сторону, значит, они стоят к нам спиной.

Я не стал ждать, когда они подстрелят того, кто им так не понравился, и, аккуратно выйдя из-за дерева, выстрелил в первый же черно-красный бронезатылок, который увидел перед собой. На дерево, за которым прятался хозяин затылка, обильно плеснуло красным. Причем само дерево раскололось точно посредине, куда попала пуля после того, как пробила глухой, закрытый шлем, прошив его насквозь вместе с содержимым. Да уж, мощь моей ручной артиллерии по-

рой поражает даже меня, видавшего на войне много всякого-разного.

Правда, на этом моя лафа закончилась, так как в мою сторону, почуяв неладное, синхронно развернулись двое – пулеметчик с «Печенегом» и снайпер с «Винторезом». У второго бронещиток шлема был откинут назад, чтоб лучше видеть цели прищуренными глазами цвета давно проржавевшей стали.

Ай, как плохо-то!

Пулеметчику я успел отправить свинцовый гостинец прямо в грудную бронепластину. Попал, но не пробил. Экзоскелеты у «боргов» жуткие, на груди броня чуть не танковая. Да и пуля лишь скользнула по красно-черной пластине – за долю секунды до моего выстрела пулеметчик успел повернуться боком, все-таки учат их нехило. Но тем не менее сотрясло его неслабо, и «Печенег» он чуть не выронил, ибо пуля рикошетом прошила правую руку, менее защищенную броней – огромный бицепс прям взорвался кровавым гейзером. Да только пулеметчика это, похоже, вовсе не смутило, ибо оружие свое он не выронил, лишь линия прицела качнулась в сторону. А при хорошей сноровке даже тяжело раненый воин всегда постарается вернуть ту линию обратно, совместив ее с целью.

Впрочем, я все равно не успевал развернуть ствол своего карабина в сторону снайпера. Который за это время успел совместить линию прицела своего «Винтореза» с моей голо-

вой. Я даже краем глаза успел заметить, как его губы растянулись в злорадной ухмылке. Небось, уже в своей башке еще одну зарубку поставил, которую после боя перенесет на приклад, чтоб в счете своих личных «двухсотых» не сбиться…

Но тут что-то черное и узкое промелькнуло в воздухе, будто короткая, беззвучная молния цвета ночи сверкнула – и голова снайпера, продолжая улыбаться, вдруг как-то неестественно завалилась на бок.

В следующую долю секунды в ржавых глазах стрелка промелькнуло недоумение. Понимаю его. Только что видел он идеальную линию выстрела, плавно, как учили, нажимая пальцем на спуск… и вдруг та линия как-то странно сместилась влево, а палец неожиданно потерял чувствительность. Ну да, так, наверно, оно и ощущается, когда тебе вдруг неожиданно перерубают шею…

Отсеченная голова снайпера еще падала вниз, скатившись с плеча, а я, дослав патрон в патронник, собирался выстрелить второй раз в пулеметчика… понимая, что не успеваю.

КС-23 – машинка безумно мощная и эффективная, но в плане скорострельной стрельбы никакущая. Пока следующий патрон дошлешь, времени почти секунда проходит. А это в скоротечном бою очень и очень много. Пулеметчик явно боли не чувствовал, и проникающее в руку ему по барабану – не иначе, на каком-то мощном психостимуляторе сидит, сволочь. Ствол пулемета уже шел снизу вверх, мигая вспышками выстрелов – так рассекают противника в ближнем бою

очередью от паха до горла, когда патронов хватает и терять уже нечего…

Но и тут у «борга» облом вышел. Потому, что сбоку от него вдруг появилась Настя с автоматом, из которого тоже вырывались короткие языки пламени, и пули одна за другой били в одну точку многослойного шлема – туда, где за ним находится височная кость, прикрытая лишь тонкой кожей…

Любая броня имеет свой запас прочности. Автомат держали руки киборга, пронизанные танталовыми нитями, и рукам этим отдача была нипочем. Ну, шлем экзоскелета и не выдержал десятка пулевых попаданий в одно и то же место. Прям целая бронепластина внутрь промялась, раздавив височную кость пулеметчика и обширный участок мозга, находящегося за ней.

Два тела одновременно рухнули в серую траву Зоны. Одно обезглавленное, другое – с изуродованной головой. А я стоял на месте, еще не веря…

Ни тому, что остался в живых, ни своим глазам.

Потому, что позади трупа снайпера стоял человек с черным мечом, одетый в камуфляж свободного покроя нестандартного цвета – типа изрядно затемненной «цифровой флоры», явно заточенной под грязно-рыжие леса Зоны, в которых зелени не так уж и много, а сумрак присутствует всегда.

Лицо человека скрывала маска-балаклава того же колора, что и камуфляж, оставляющая открытыми только глаза. Но одного взгляда на них мне было достаточно, чтобы понять,

кто только что спас мне жизнь. Сомнения исключались еще по одной причине: в руке человека в темной «цифре» был черный японский меч, а из-за плеча торчала рукоять второго меча.

«Ну, здравствуй, Виктор Савельев по прозвищу Японец», – мысленно поприветствовал я старого знакомого.

«Потом, – немедленно ворохнулась в моей голове чужая мысль – Виктор всегда в совершенстве владел древним японским искусством харагэй[4]. – Нужно доделать начатое».

И исчез, растворился в кустах, как умел только он.

Что ж, Японец был прав. «Боргов» стало меньше, но проблема не была решена до конца. Между деревьев снова мелькнул чей-то черно-красный шлем с вылупленными стеклами светофильтров. Между которых я и всадил пулю прям от бедра – зря что ль патрон досылал.

Правда, в следующее мгновение сбоку застучал еще один пулемет, и нам с Настей пришлось упасть ничком на землю и откатиться за деревья. Очередь срезала несколько веток и пропорола кусты, в которых за мгновение до этого скрылся Виктор Савельев. Но я был спокоен за него.

Навыки этого человека оттачивали в Японии лучшие мастера старинного искусства синоби, ныне доступного только членам клана якудзы[5]. Нет, он не был японцем по рождению,

---

[4] *Харагэй (яп.)* – одно из значений: «искусство души». Общение без слов, при помощи прямой передачи мысли.

[5] О приключениях Виктора Савельева по прозвищу Японец можно прочитать в

просто обычный парень из небольшого российского городка, волей судьбы ставший профессиональным убийцей-невидимкой.

Ныне, благодаря американскому кинематографу, образ воинов ночи в черных костюмах стал чуть ли не карикатурным. Виктор говорил, что якудза специально вложила безумное количество денег в эту акцию. Для организации, фактически правящей Японией и имеющей колоссальное влияние в мире, заказные смерти президентов, миллиардеров, полководцев, крупных ученых, звезд шоу-бизнеса есть один из прибыльных видов бизнеса, который она охраняет как зеницу ока. И когда где-то на земном шаре загадочной смертью умирает влиятельный человек в собственном доме, охраняемом как Форт Нокс, кто ж подумает, что это могли сделать смешные ниндзя из детского мультика?

И сейчас один из этих страшных убийц методично рубил «боргов» своими мечами, на мгновение появляясь из-за деревьев и тут же исчезая за ними, словно бесплотный дух. Пулемет, прижавший нас к земле, замолчал почти тут же. Следом за ним заткнулись и остальные участники беспорядочной пальбы.

Через минуту все было кончено. В лесу повисла та самая тишина, какая обычно случается после жаркого боя.

Мертвая тишина.

Которую через пару секунд нарушил голос, вновь прозву-

трилогии Дмитрия Силлова «Тень якудзы», «Ученик якудзы» и «Путь якудзы».

чавший в моей голове.

«Поговорим?»

«А есть о чем?» – поинтересовался я, вгоняя в свой карабин новые патроны. Эх, блин, мало их осталось, мало… Еще одна стычка, и можно КС-23 выбрасывать нафиг.

Больше меня никто ни о чем не спрашивал. Ну и отлично. Теперь можно собрать трофеи и всерьез подумать, как бы половчее захватить эту Зону со всеми ее несметными богатствами…

Виктор появился словно из ниоткуда, будто вырос из-под земли. Встал прямо передо мной и уставился мне в глаза немигающим взглядом. Неприятно, когда так на тебя смотрят. Наверняка сейчас опять начнется «ты стал другим», «за тобой Долг жизни с большой буквы». А я, между прочим, никого не просил меня спасать, так что…

Внезапно мир вокруг стал каким-то странным, будто нарисованным. Картонные, плоские деревья, кусты, похожие на небрежный набросок начинающего художника. И даже отрубленная, окровавленная голова стрелка, валяющаяся неподалеку, ничуть не портила пейзаж, почти слившись с общим фоном и напоминая серую кочку.

Серую?

Ну да, весь окружающий мир стремительно терял краски, бледнел, превращаясь в плоский, невыразительный фон за спиной Виктора. И на этом фоне, почти слившись серой фигурой с серыми деревьями, застыла нарисованная Настя, по-

давшаяся вперед, приподнявшая ногу – но так и не сделавшая шага по направлению к нам.

А потом я увидел, как рука Виктора медленно потянулась к моей груди и погрузилась в нее, словно в желе…

И пришла боль…

Бывает боль, которую можно терпеть.

Бывает нестерпимая боль, отключающая сознание.

А еще существует боль, несовместимая с жизнью, когда, словно истонченная вольфрамовая нить в лампочке, рвутся связи с реальностью этого мира. Но я никогда не мог предположить, что подобная боль может тянуться бесконечно. И вдвойне удивительно было то, что при этом я был всё еще жив!

Естественной реакцией было выдернуть из своей груди чужую руку, причиняющую невыносимые страдания. Я даже попытался это сделать, но тело слушалось крайне плохо. Правда, мне удалось опустить голову…

И увидеть.

Мое тело и вправду напоминало кисель. Полупрозрачный. Да уж, не часто удается человеку по-настоящему заглянуть внутрь себя…

И там, в этом киселе, их было двое.

Практически одинаковых по форме и размеру комка слабо светящегося тумана, явственно различимых в желеобразной массе. При этом один, тот, что побольше, вырастил из себя несколько плотных энергетических жгутов, которыми

опутал соседа и, похоже, тянул из него соки. Я прям увидел, как медленно течет по этим жгутам тягучая, золотистая энергия.

А еще я увидел, как пальцы Виктора разрывают эти жгуты, освобождая второй комок тумана, который расправляется на глазах, и уже сам пытается сбросить с себя оставшиеся жадные щупальца.

Откуда-то пришло понимание, что Японец, конечно, поможет, но я все равно должен сделать это сам.

И я сделал.

Моя рука словно не принадлежала мне. Я будто со стороны увидел, как она проникает в это желе и как сжимаются мои пальцы на том комке с оборванными щупальцами, кровоточащими золотистой энергией…

Это было больно. Нереально больно… Но все-таки я успел увидеть, как чьи-то чужие руки выдирают из трясущегося желе мою, так и не разжавшую хватки…

А потом будто белая вспышка сверкнула перед глазами. И на меня, словно гигантская волна на одинокого серфера, нахлынули звуки и краски окружающего мира…

Я даже зажмурился, чтобы не ослепнуть. Я б и уши зажал, но просто рук не чувствовал. Все тело было как единый комок пульсирующей боли, бьющейся в ритме пульса…

Но это была другая боль. Совершенно другая. Которая была каплей в море по сравнению с той болью, что я пережил совсем недавно.

– Однажды мой учитель сказал следующее, – раздался над моей головой спокойный, бесцветный голос. – Я знаю, что такое сэппуку[6]. И могу понять, когда воин взрезает себя для того, чтобы выпустить наружу своё ками[7]. Но я никогда не думал, что можно взрезать грудь собственной рукой для того, чтобы его обрести. И, в свою очередь, я рад, что не ошибся в тебе, Иван. Далеко не каждый может вычистить грязь из своей души своими же руками.

– То есть… ты тоже прошел… через это? – прохрипел я, с трудом ворочая языком.

– Да. Правда, мне было сложнее.

– Понятное дело, – проговорил я, осторожно открывая глаза. – Думаю, без тебя я бы так и сдох, пытаясь задушить в себе ту пакость…

Виктор сидел рядом, прямо на земле, скрестив ноги так, как обычному человеку никогда не сделать. Бледный как смерть. Что вполне объяснимо. Быстрые и решительные действия в сфере *второго внимания* требует немалых усилий. *Там* все по другому. В мире, который многие мистики считают настоящим, а наш – иллюзией, отражением его. С непривычки и помереть можно, навсегда оставшись в зазеркалье.

---

[6] *Сэппуку (яп.)* – ритуальное самоубийство посредством вспарывания живота. Среди самурайского сословия средневековой Японии считалось одним из высших проявлений доблести.

[7] *Ками (яп.)* – души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом.

Душа там, а иллюзорная дохлая оболочка – тут. Труп называется.

– Ну и как ты? – спросила подошедшая Настя, с опаской глядя на мою грудь – думаю, кио кое-что видела, но до сих пор сомневается, не привиделось ли ей это.

– Хреново, – слабо усмехнулся я. – Подонком и сволочью жить гораздо проще.

– Ну, ты ж не в американский Конгресс баллотироваться собрался и не в президенты США, – резонно заметил Японец. – Так что, думаю, оно тебе без надобности.

– Возможно, – согласился я.

И снова зажмурился.

Вспомнилось всё. И бред насчет захвата Зоны, о котором думал на полном серьезе. И – главное – то, как расстался с Марией. Я этот ее последний взгляд, брошенный на меня, всю жизнь помнить буду. Вот ведь сволочь Пятиглазый, не мог просто взять и сдохнуть! Решил, тварь такая, в меня переселиться. Спасибо Японцу, помог эту паскуду придушить. Но на душе все равно гадко…

Я перевел глаза вниз и посмотрел на свою ладонь, вяло лежащую на бедре, ожидая увидеть в ней раздавленный кровавый комок. Но нет, не было там ничего. И рука была относительно чистой, если не считать въевшихся в кожу черных следов от порохового нагара и ружейного масла. Получается, очищение души – операция бескровная, но болезненная настолько, что далеко не все решаются на нее…

Тем временем Японец протянул руки ко мне.

– Ты чего? – невольно отшатнулся я. Отшатнулся бы сильнее, но не получилось – тело было словно ватное.

– Не дергайся, – сказал Виктор. – И терпи.

Его руки пришли в движение. Пальцы одной руки, жесткие, словно железные гвозди, вонзились мне в лицо. А пальцы второй – в ладонь, ту самую, что душила ками Пятиглазого.

– Т-твою… – выдохнул я. И заткнулся, боясь пошевелиться, дабы не сделать себе еще хуже.

От крайне болезненных нажатий пальцев Виктора по моему телу словно высоковольтный ток пустили. Оно непроизвольно выгнулось дугой…

И тут боль пропала. Я вдруг почувствовал, как в меня со всех сторон словно горячая река энергии хлынула. И я замер, впитывая ее от травы, кривых деревьев, серого неба, жалких лучей солнца, чудом просочившихся сквозь свинцовые тучи…

Не знаю, сколько это продолжалось – секунду или вечность. Но вывел меня из блаженного состояния бесстрастный голос Японца, прозвучавший откуда-то сверху.

– Всё. Теперь можешь вставать. И жрать. Сейчас для тебя это главное.

– Это всегда главное для любого мужика, – заметила кио. – Кстати, меня Настей зовут.

– Японец, – коротко ответил Савельев. И добавил: – Рад

знакомству.

– Он у нас галантный, – простонал я, поднимаясь на ноги и при этом держась за дерево, столь кстати росшее рядом. – Когда никого не убивает. Кстати, не объяснишь, каким макаром ты так вовремя оказался в нужном месте?

– Тебя искал, – просто ответил Виктор.

– И на кой же я тебе сдался? – поинтересовался я, одновременно пробуя шевелить руками и ногами. Ничего так, шевелятся. Думаю, еще пара минут, и совсем восстановятся. Чем-чем, а искусством шиацу – японского пальцевого массажа – Савельев владеет в совершенстве. По ходу, если захочет, мертвеца из могилы поднимет запросто.

– Всё просто, – пожал плечами Савельев. – В Зоне слух прошел, что ты сумел каким-то образом вернуться в прошлое и спасти своего друга[8].

– Понятно, – вздохнул я. – И ты решил повторить то же самое, чтобы спасти в прошлом свою жену и дочь.

Японец молчал. Только его лицо стало еще бледнее, хотя больше уже, казалось, некуда – и так белый словно стена, сложенная из силикатного кирпича.

– Боюсь, не получится, – покачал я головой. – «Второе сердце» – это уник. Уникальный артефакт. Реально чудо, что я его нашел, многие вообще не верят, что он существует. А без него в прошлое не попасть.

---

[8] События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон клыка» литературной серии «СТАЛКЕР».

– Я тебя только что спас от жизни, которая намного хуже смерти, – глухо произнес Виктор. – А теперь прошу спасти меня от того же. Пойми, я не могу жить без них.

Я вздохнул. Да, Виктор в своем праве. И если я не помогу ему, Зона непременно спросит с меня по полной. Закон Долга, пожалуй, самый суровый ее закон, за игнорирование которого Зона карает сурово и безжалостно.

И тут меня осенило.

– Хорошо, – кивнул я. – Пожалуй, можно попробовать. Но учти – то, что я сейчас скажу, тебе не понравится.

– Говори!

– Ну, смотри, я предупреждал…

* * *

Японец смотрел на меня, как на умалишенного.

– Ты, случайно, вместе со вторым ками мозги себе не раздавил заодно? – наконец поинтересовался он.

– Просто не вижу другого выхода, – спокойно ответил я. – Это единственный человек в Зоне, да, пожалуй, и во всем мире, который настолько глубоко проник в природу артефактов. Думаю, только он сможет найти для тебя еще одно «второе сердце». Или создать его своими руками.

– Он убил мою семью! – прорычал Японец. – И я уничтожу его, сотру с лица земли!

Я усмехнулся.

– Заметь, ты пытаешься сделать это уже давно и до сих пор ничуть не продвинулся в этом вопросе. Что с твоими способностями довольно странно, не находишь?

В глазах Японца плескалась ярость. Похоже, сейчас он туго соображал, ибо гнев – плохой помощник в этом непростом деле. Поэтому я оставил Савельева беситься под кривым деревом, а сам направился на поиски снаряжения и более подходящего оружия, чем пара боевых ножей и КС-23 с несколькими оставшимися патронами.

Кстати, Настя занималась тем же. Причем основательно. Содрала с одного трупа черно-красный бронекомбез и влезла в него. Стоит себе, руками-ногами двигает, проверяет, не жмет ли где. И плевать, что у того комбеза вся спина кровищей залита. Главное, что он не прострелен нигде и смотрится ничего так на ее суперфигуре, все выпуклости и вогнутости облегает.

– Фыфу понравится, – кивнул я. – Только спиной к нему не поворачивайся.

Кио фыркнула и повернулась именно так, как я не рекомендовал. Только ко мне. Ну и нормально. Я теперь человек свободный, могу без зазрения совести любоваться на девчачьи прелести пониже спины…

Хотя нет, не могу. Настя – почти жена Фыфа, а Фыф – кореш. Вот, блин, удружил Японец с возвратом совести! Но ничего не попишешь. Коль она теперь присутствует, придется отвернуться и заняться делом.

Комбезы у «боргов» и правда знатные. Не знаю, какой спец им такие «шкуры» проектировал, но он точно очень хорошо знал и Зону, и свое дело. Настя себе средний выбрала с закрытым шлемом и замкнутой системой жизнеобеспечения. А мне всегда больше нравился легкий, обладающий одновременно и неплохой противоаномальной защитой, и так называемой «мягкой» броней, состоящей из полимерных текстильных материалов. Такая многослойная «шкура» неплохо держит удар пистолетной пули и даже автоматную может тормознуть, правда, если та прилетит на излете. Плюс еще он хорош тем, что весит немного и бегать в нем по Зоне намного комфортнее, чем в продвинутой, но более тяжелой защите.

В общем, пусть Настя в средней броне рассекает, а я себе легкий костюм нашел. Вернее, труп в кустах, которому тот комбез уже точно без надобности. Правильно, когда между круглых очков защитной маски торчит сюрикэн, какая разница, защищено все остальное или нет? И кровь на броне отсутствует полностью, что также в плюс.

Переоделся я быстро, отметив, что «мягкая» броня тоже весьма комфортно облегает тело. Ну и отлично. Маску я брать не стал – прежнему хозяину она не помогла, так что ну ее нафиг. Осталось теперь о вооружении позаботиться.

Снайпера данной группы были вооружены не только «Винторезами». У одного СВД нашлась. Ай, молодец коллега, да будет ровной его дорога в Край вечной войны. При-

хватил как раз то, что я люблю больше всего на свете после жизни и своей «Бритвы».

Винтовка оказалась годной, почти новой. И запас патронов к ней нашелся приличный. Ну и замечательно. Осталось озаботиться оружием для более близкой дистанции.

Естественно, это оказался старый добрый «калашников», изрядно затюнингованный владельцем. Цевье, крышку ствольной коробки и газоотвод он сменил, поставив другие, с направляющими Пикатинни. На которые накрутил коллиматорный прицел, тактическую рукоять и фонарь. И приклад вдобавок присобачил с регулируемой длиной, «щекой» и амортизирующим затыльником. Про навороченный дульный тормоз-компенсатор и кнопку сброса магазина я уж не говорю.

Ну, офигеть «калаш» получился, грозный с виду… и не похожий на себя. Хотя как знать, может, он в бою просто находка. Ладно, попробуем. С такими прокачанными зверями мне раньше сталкиваться не приходилось, а эксперименты с оружием я люблю.

Настя же мой старый «калаш» менять ни на что не стала, просто патронов к нему набрала – и за спину закинула. А в руки взяла пулемет «Печенег» плюс две запасные коробки с лентами к нему прихватила, упакованные в спецподсумки для переноски на себе. И разгрузку вдобавок сверху броника на себя напялила, набив ее до отказа гранатами. Хотя чему я удивляюсь? Киборг же ж, у нее силища как у трактора. И

как с ней Фыф справлялся – непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.